

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

ЖЕНА МОЕГО МУЖА

ДЖЕЙН КОРРИ

Джейн Корри
Жена моего мужа
Серия «Психологический
триллер (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28070871

Д. Корри. Жена моего мужа: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2018

ISBN 978-5-17-101729-3

Аннотация

Выйдя замуж за талантливого художника Эда Макдональда, молодой адвокат Лили начала новую жизнь... И, кажется, ничто не сможет омрачить их счастливый брак.

По соседству с супружеской парой живет хорошенькая девочка-итальянка Карла, за которой Лили присматривает, пока ее мать пропадает на работе. Карле всего девять, но она уже хорошо знает, что значит хранить чужие секреты...

А потом жизнь надолго разведет их – пройдет двенадцать лет, прежде чем Лили и Карла снова встретятся и поймут: им обоим есть что скрывать и, стоит раскрыться хотя бы одной из тайн их прошлого, последствия будут непредсказуемы...

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Пятнадцать лет назад	6
Глава 1. Лили	6
Глава 2. Карла	14
Глава 3. Лили	21
Глава 4. Карла	36
Глава 5. Лили	44
Глава 6. Карла	63
Глава 7. Лили	73
Глава 8. Карла	87
Глава 9. Лили	97
Глава 10. Карла	113
Глава 11. Лили	122
Глава 12. Карла	133
Глава 13. Лили	140
Глава 14. Карла	148
Конец ознакомительного фрагмента.	151

Джейн Корри

Жена моего мужа

Jane Corry

My Husband's Wife

© Jane Corry, 2016

© Перевод О. Мышакова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Посвящаю эту книгу моему замечательному второму мужу Шону. Ни одного мгновения печали! Ты не только умеешь меня развлечь, но и оставляешь мне пространство для творчества.

Посвящаю книгу и своим прекрасным детям, которые вдохновляют меня каждый день.

Пролог

Высверк металла. Оглушительный грохот в ушах.

– Сейчас пять часов, и в эфире выпуск новостей...

Радиоприемник весело тараторит с соснового комода, заставленного фотографиями (отпуск, выпускной, свадьба). Рядом – красивое голубое с розовым блюдо и недопитая бутылка «Джека Дэниэлса» за поздравительной открыткой.

Голова болит невыносимо. Правое запястье тоже. Очень больно в груди – и очень много крови.

Я лежу, скорчившись, на полу – холод черной сланцевой плитки немного приглушает боль. Меня трясет.

На стене надо мной – картина с изображенным на ней оштукатуренным итальянским домиком, который очень украшают вьющиеся пурпурные бугенвиллеи. Память о медовом месяце.

Может ли брак закончиться убийством, даже если он уже мертв?

Эта картина будет последним, что я увижу, но сейчас мысленно я заново переживаю свою жизнь.

Значит, правду говорят об умирании: прошлое возвращается, чтобы уйти с тобой.

«Дейли телеграф», вторник, 20 октября 2015 г.

Художник Эд Макдональд найден зарезанным в собственном доме. Полагают, что...

Часть первая.

Пятнадцать лет назад

Глава 1. Лили

Сентябрь 2000 года

– Нервничаешь? – спросил Эд, насыпая в тарелки наши любимые рисовые «Криспис».

Обычно я ем их с удовольствием – без молока, хрустящими (ребенком я любовалась маленькими эльфами на пачке, и чары до сих пор не развеялись). Но сегодня у меня что-то нет аппетита.

– Нервничаю? – с нажимом переспросила я, застегивая жемчужные сережки перед маленьким зеркалом над раковиной. Квартирка у нас тесная, приходится искать компромиссы.

Я едва не добавила: «Отчего бы это?» Из-за первого дня семейной жизни (в новое тысячелетие – в новом статусе)? Или потому, что надо было тщательнее выбирать квартиру, а не соглашаться на эту, в захудалом районе Клэпхема, где сосед напротив пьяница, а комнатки настолько тесные, что моя тональная основа «Риммель» (мягкий бежевый) и два тюбика губной помады (бледно-розовой и рубиново-красной) со-

седствуют с чайными ложками в ящике для столовых приборов?

Или оттого, что сегодня я возвращаюсь на работу после медового месяца в Италии? Неделя на Сицилии – бутылки марсалы, жаренные на гриле сардины и вдоволь сыра пекорино (отель оплатила бабушка Эда).

Или я нервничаю из-за всего сразу?

Вообще-то, я люблю свою работу. До недавнего времени я специализировалась на трудовом законодательстве: помогала незаконно уволенным, особенно женщинам, защищала жертв несправедливости. Это мое. Я собиралась стать социальным работником, как отец, но благодаря энтузиазму преподавателя профориентации в школе и, скажем так, ряду событий в собственной жизни оказалась в этой сфере. Новоиспеченный юрист двадцати пяти лет от роду на минимальном окладе, сражающийся с пуговицей на поясе темно-синей юбки. В нашем бюро ярко одеваются только секретарши. Нарядный адвокат – это неправильный посыл. Так мне объяснили, когда я только начинала работать. В юриспруденции можно сделать блестящую карьеру, но кое в чем она немислимо консервативна.

– Мы переводим вас на уголовные дела, – сообщил мне начальник (видимо, в качестве свадебного подарка). – Мы считаем, что вы справитесь.

И сейчас, в первый рабочий день после медового месяца, я собираюсь в тюрьму. У меня свидание с человеком, кото-

рый отбывает срок за убийство. Я никогда не была в тюрьме – и никогда не хотела там побывать. Это чуждый мне мир. Тюрьма для тех, кто совершил противоправные деяния, а я сразу возвращаю даже лишнюю сдачу за «Космополитен».

Эд что-то выводит в альбоме, чуть склонив голову влево, делает наброски, положив альбом рядом с тарелкой хлопьев. Мой муж всегда рисует. Этим он меня и привлек.

– В рекламе, – сказал он, уныло пожав плечами, когда я спросила, где он работает. – В креативном отделе. Когда-нибудь я стану настоящим художником, а это так, халтурка, чтобы оплачивать счета.

Мне импонируют люди с четкой целью в жизни, но дело в том, что, когда Эд рисует, он забывает даже, на какой он планете. Вот и сейчас он забыл, что задал мне вопрос. Мне вдруг стало важно на него ответить.

– Нервничаю? Нисколько.

Эд кивнул, но я не уверена, что он меня слышал. Когда на него накатывает вдохновение, до остального ему дела нет. Даже до моего очевидного вранья.

Отчего бы, думала я, тронув мужа за левую руку с новеньким обручальным кольцом, не сказать ему правды? Отчего не поделиться с близким человеком, что мне дурно от страха и все время хочется в туалет, хотя я только что там была? Неужели лучше притворяться, что наша неделя вдали от всего мира еще не закончилась, несмотря на сувениры вроде красивого голубого с розовым блюда, которое Эд сейчас

подробно срисовывает?

Или это оттого, что я отчаянно храбрюсь перед сегодняшней встречей? По моей спине пробежал холодок, когда я брызнула на запястья купленными в дьюти-фри «Шанель № 5» (подарок Эда, на который он потратил один из своих дорожных чеков). В прошлом месяце адвокат из конкурирующей фирмы получил несколько ножевых ранений в грудь (были задеты оба легких) во время встречи с клиентом в Уондсуэрте. Всякое бывает.

– Давай быстрее, – сказала я. От волнения мой голос прозвучал резче обычного. – Мы так оба опоздаем.

Эд нехотя поднялся с расшатанного стула, оставшегося от прежних жильцов. Мой новоиспеченный супруг долговяз, тощ и ходит, точно извиняясь, будто на самом деле предпочел бы находиться в другом месте. В детстве волосы у него были золотистые, как у меня («Как только мы тебя увидели, сразу поняли: у нас родилась Лили», – любит повторять мама), но с возрастом потемнели и стали рыжеватыми. А еще у него толстые пальцы, совсем не похожие на пальцы великого художника, которым он мечтает стать.

Каждому нужно мечтать. Девушкам с именем Лили полагается быть красивыми и стройными. Если смотреть сверху, то я вполне соответствую – благодаря светлым от природы волосам и, как великодушно говорила покойная бабушка, «элегантной лебединой шее». Но ниже вместо стройного «стебля» – детская пухлость. Что бы я ни делала, размер

одежды у меня в лучшем случае остается шестнадцатым¹. Я знаю, что на этом не надо заикливаться. Эд говорит, я такая, какая есть. Он не хотел сказать ничего плохого (надеюсь), но эта полнота меня бесит. Всегда бесила.

Направляясь к двери, я мельком взглянула на стопку поздравительных открыток возле проигрывателя Эда. Мистер и миссис Эд Макдональд. Я не воспринимаю эту фамилию как свою. Миссис Эд Макдональд. Лили Макдональд.

Я долго старалась научиться красиво расписываться, пропуская «и» через «М», но моя новая подпись все равно недостаточно изящна – имя не сочетается с фамилией. Надеюсь, это не дурной знак.

На каждую открытку предстоит написать письмо с благодарностью и отправить до конца недели. Если мама чему-то меня научила, так это вежливости.

Одна из открыток была подписана особенно вычурно, экстравагантными вытянутыми загогулинами, да еще бирюзовой пастой.

– Давина раньше была моей девушкой, – объяснил Эд, прежде чем она заявила на нашу помолвку. – Но теперь мы просто друзья.

Я вспомнила Давину с ее лошадиным смехом и искусно уложенными темно-рыжими локонами, делавшими ее похожей на модели прерафаэлитов. Давина, организатор мероприятий из «Ивентс», куда ходят все «приличные девушки».

¹ Соответствует 48–50-му российскому размеру.

Давина, которая при знакомстве чуть прищурила свои фиалковые глаза, словно гадая, зачем Эд связался с этой толстой дылдой с взъерошенными волосами, которую я вижу в зеркале каждый день.

Могут ли мужчина и женщина остаться просто друзьями, если отношения закончились? Письмо своей предшественницы я решила оставить напоследок. Эд женился на мне, а не на ней, напомнила я себе.

Теплая рука мужа стиснула мою, будто он чувствовал: мне нужна поддержка.

– Все будет хорошо, вот увидишь.

Мне показалось, что он говорит о нашем браке, и лишь через секунду я поняла – речь о моем дебюте в уголовном праве. О Джо Томасе.

– Спасибо.

Я была благодарна Эду за то, что его не обманула моя бравада. Но при этом мне почему-то стало неуютно.

Мы вместе закрыли дверь и дважды подергали за ручку, потому что для нас все это было ново и непривычно, и быстро пошли по коридору к выходу. Открылась соседняя дверь, и в коридор вместе со своей мамой вышла маленькая девочка с блестящими темными волосами, собранными в длинный хвост. Я их уже видела, но на мое «здравствуйте» соседки не отвечали. Мать и дочь имели оливково-смуглую кожу и двигались плавно и грациозно, будто плыли.

Выйдя из подъезда в холодное осеннее утро, мы вчетве-

ром направились в одну сторону, но мать с дочкой оказались впереди, потому что Эд что-то рисовал на ходу. Соседки казались копиями друг друга, с той лишь разницей, что на мамаше была чересчур короткая черная юбка, а девочка, которая из-за чего-то капризничала, была одета в темно-синюю школьную форму. «Когда у нас с Эдом будут дети, – подумала я, – мы научим их не ныть на улице».

Я совсем продрогла, когда мы подошли к остановке: бледное осеннее солнце очень отличалось от зноя медового месяца, но еще больше меня удручала мысль, что сейчас нам придется расстаться. После проведенной вдвоем недели перспектива на восемь часов остаться без мужа пугала.

Были причины для расстройств. Совсем недавно я казалась независимой и вполне довольствовалась собственным обществом, но с той минуты, как Эд заговорил со мной на вечеринке (всего полгода назад!), я чувствовала себя сильнее – и одновременно уязвимее.

Мы молчали. Я собиралась с духом перед неизбежным. Мой автобус идет в одну сторону, его – в другую. Эд направляется в рекламную фирму, где целыми днями придумывает слоганы, чтобы заставить людей покупать ненужные вещи. А я еду в тюрьму – в своем темно-синем костюме и со своим загаром.

– Страх будет только до входа, – сказал муж (я была уверена, что мне никогда в жизни не придется произнести это слово!) и поцеловал меня в губы. Поцелуй оставил вкус ри-

совых хлопьев и терпкой зубной пасты, к которой я никак не привыкну. – Как войдешь, так сразу и пройдет.

– Я знаю, – ответила я.

Эд побрел на остановку напротив, не отрывая взгляда от дуба на углу: глаз художника зорко подмечал оттенки и форму.

Две лжи. Две маленькие невинные лжи, чтобы утешить друг друга. Большая ложь начинается с пустяка, из лучших побуждений. А потом она разрастается и выходит из-под контроля.

Глава 2. Карла

– Ну почему? – ныла Карла, повисая на маминой руке в попытке остановить неотвратимое приближение к школе. – Почему мне обязательно нужно туда идти?

Если как следует покапризничать, мать может сдаться, – так уже было на прошлой неделе. Правда, тогда были ее именины, и мать была мягче обычного: дни рождения, именины, Рождество и Пасха всегда трогали ее до глубины души.

– Как летит время! – причитала тогда мать со своим сильным, густым акцентом, так отличавшим ее от других матерей. – Девять с половиной лет без твоего отца! Девять долгих лет!

Карла, сколько себя помнила, знала, что папа в раю, с ангелами, потому что нарушил обещание, когда она родилась. Однажды Карла спросила, какое это было обещание.

– Такое, которое, раз нарушив, обратно не вернешь, – фыркнула мама.

Как та красивая голубая чашка с позолоченной ручкой, подумала Карла, которую она уронила неделю назад, вызвавшись вытирать вымытую посуду. Мама плакала, потому что чашка была из Италии.

Жаль, что папа с ангелами. Но зато у нее есть мама! Однажды дядя в автобусе принял их за сестер, чем насмешил маму.

– Он мне просто льстил, – сказала она, покраснев, но вечером разрешила Карле дольше не ложиться спать. И Карла усвоила: когда мама счастлива, у нее можно что-нибудь выпросить.

Просить можно и тогда, когда мама грустная. Вот как сейчас, в начале нового века, про который им рассказывали в школе.

Всю четверть Карла мечтала о пенале-гусенице из мягкого пушистого материала, как у всех в классе. Может, тогда ее перестанут дразнить. Отличаться плохо. Плохо быть меньше всех в классе («Пигалица!» – этого странного слова не было в детском словаре, который Карла уговорила маму купить в магазине подержанных вещей на углу улицы). Плохо иметь густые черные брови («Волосатая-полосатая!»). Плохо называться не похожими на другие именем и фамилией.

Карла Каволетти. Одноклассники дразнили ее Спаголетти. Волосатая Карла Спаголетти!

– Почему нельзя сегодня остаться дома? – ныла Карла, чуть не прибавив «у нас» – а не в том, итальянском, о котором мама постоянно говорила и которого она, Карла, никогда не видела.

Мама замедлила шаг, когда соседка с золотистыми волосами прошла мимо, неодобрительно глянув на них.

Карла знала этот взгляд – так смотрела учительница в школе, когда она не смогла рассказать таблицу умножения на девять.

– У меня с математикой тоже неважно, – пожимала плечами мама, если Карла просила помочь с домашним заданием. – Ничего, главное, не объедаться пирожными и не толстеть. Таким, как мы, достаточно быть красивыми.

Дядя с блестящей машиной и в большой коричневой шляпе всегда говорил маме, что она красивая. Когда он приходил в гости, мама не плакала. Она распускала свои длинные вьющиеся волосы, душилась любимым «Яблоневым цветом», и ее карие глаза сверкали. Включался проигрыватель, и они вместе отбивали ритм носками туфель. Правда, Карле засиживаться не давали.

– Спать, *cara mia*², – певуче говорила мама, и девочка уходила в другую комнату, оставив маму и гостя постукивать ногами под музыку в маленькой гостиной под пристальными взглядами маминых родственников с фотографий. Часто их холодные лица снились Карле по ночам, и ее крики мешали танцам и сердили маму:

– Ты уже большая, чтобы бояться снов. Ты не должна беспокоить меня и Ларри.

Когда в школе задали сделать проект «Мои папа и мама», Карла, воодушевившись, пришла домой, но мама долго цокала языком, а потом разрыдалась, уронив голову на кухонный стол.

– Я должна что-нибудь принести на школьную выставку, – настаивала Карла. – Не могу же я одна ничего не принести!

² Дорогая моя (*ит.*). – Здесь и далее *примеч. пер.*

Наконец мама сняла со стены фотографию мужчины с прямой осанкой, в белом воротничке и со строгим взглядом.

– Мы отправим к ним *нонно*, – сказала она так, будто в горле у нее застрял леденец.

Карла любила леденцы. Дядя с блестящей машиной часто приносил ей леденцы в белом бумажном пакете, но они прилипали к рукам, и Карле приходилось долго отмывать пятна.

Карла благоговейно взяла фотографию.

– Это мой дедушка?

Она и так знала ответ – мать говорила ей это много раз, но приятно лишний раз услышать, что у нее, как у всех, есть дедушка, хоть он и живет за много миль в горах Флоренции и не отвечает на письма.

Мама Карлы обернула фотографию в оранжевый с красным шелковый шарф, пахнувший нафталином. Карла бежала в школу, как на праздник.

– Это мой *нонно*, – гордо объявила она.

Но все только смеялись.

– Нонно, нонно, – передразнил один мальчишка. – А почему не дедушка, как у всех? И где твой отец?

Это было накануне ее именин, а на следующий день Карла убедила мать не ходить на работу, притворившись больной. Это был один из лучших дней в ее жизни: они с мамой устроили пикник в месте под названием Гайд-парк, и мама пела песни и рассказывала о своем детстве в Италии.

– Братья брали меня с собой купаться, – мечтательно го-

ворила она. – Мы ловили рыбу на ужин, а потом пели, танцевали и пили вино.

Карла, пребывавшая наверху блаженства оттого, что не пошла в школу, накручивала на пальчик прядь маминых темных волос.

– А папа тоже с вами купался?

Карие мамины глаза вдруг погрузнели.

– Нет, моя маленькая, не купался. – И она принялась убирать термос и сыр с красного клетчатого пледа на траве. – Пойдем, пора домой.

И это уже не был лучший день в жизни Карлы.

Сегодняшнее утро тоже не самое удачное. На первом уроке будет контрольная, предупредила учительница. Математика и правописание – самые ненавистные Карле предметы. Чем ближе они подходили к автобусной остановке, тем сильнее Карла тянула маму за руку.

– Росточком ты не вышла, – недавно сказал ей дядя с блестящей машиной, когда она отказалась рано ложиться спать, – зато упрямства на двоих хватит.

«А что, нельзя?» – чуть не огрызнулась Карла.

– Всегда будь вежлива с Ларри, – твердила мать. – Без него мы бы здесь пропали.

– Пожалуйста, давай останемся дома! Ну, пожалуйста! – заныла Карла.

Но мама ничего не желала слушать.

– Мне надо работать.

– Ну почему? Ларри поймет, если ты не пойдешь с ним обедать!

Обычно Карла не произносила имени гостя, предпочитая называть его дядей с блестящей машиной. Это означало, что он не член их семьи.

Мама резко повернулась, едва не налетев на столб. Мгновение она казалась почти взбешенной.

– Потому что, малышка, у меня еще осталась гордость. – Ее глаза сверкнули. – И потом, я люблю свою работу.

Мамина работа была очень важной: она делала из обыкновенных тетя красавиц. Мама работала в большом магазине, где продавали помаду, тушь для ресниц и специальные кремы, от которых кожа становится «прелестно смуглой», «томно бледной» или чем-то средним, смотря как нанести. Иногда мама приносила образцы домой и подкрашивала личико Карлы, так что девочка выглядела гораздо старше своего возраста. Это делалось ради красоты, чтобы однажды и Карла нашла себе дядю с блестящей машиной, который закружит ее в танце посреди гостиной.

Ларри мама нашла именно так. В тот день она работала за кассой в отделе парфюмерии, потому что кто-то заболел. Заболел – это хорошо, сказала мама, потому что тогда магазину требуется замена. Ларри пришел купить духи своей жене. Она тоже заболела. Мама оказывает его жене услугу, делая Ларри счастливым. Он и к Карле хорошо относится, вот леденцы ей приносит.

Но сейчас, когда они шли к автобусной остановке, где уже стояла соседка с золотистыми волосами (которая, по словам мамы, ела слишком много пирожных), Карле хотелось большего.

– А можно попросить у Ларри пенал-гусеницу?

– Нет, – мать сделала решительный жест изящной рукой с алыми ногтями, – нельзя.

Это несправедливо! Карла уже почти ощущала мягкости меха, мысленно поглаживая пенал. Она почти слышала, как гусеница говорит: «Я должна принадлежать тебе, Карла. Тогда все нас полюбят. Не бойся, ты что-нибудь придумаешь».

Глава 3. Лили

До тюрьмы предстояло добираться автобусом от конечной станции линии Дистрикт³. Ее нежно-зеленый цвет на карте метро успокаивал – это не красная центральная линия, ломаная и кричащая об опасности. Станция Баркинг. Я напряженно рассматриваю платформу через стекло с полосками дождя, ища знакомые лица.

Но никого из них нет, только группы заспанных жителей пригородов, похожих на сморщенных ворон в плащах, и женщина, присматривающая за мальчиком в красивой красно-серой форме.

Когда-то и у меня была нормальная жизнь в Баркинге. Я до сих пор помню дом 50-х годов постройки, с каменной штукатуркой и бледно-желтыми оконными рамами, отличавшимися от традиционных кремовых у соседей. Помню, как я, держа маму за руку, сосредоточенно семенила в библиотеку по оживленной улице. Отчетливо помню, как папа сказал: скоро у меня появится братик или сестричка. Наконец-то я буду как все в нашем классе – дети из веселых, шумных, суетливых семей, совсем не похожих на нашу тихую семейку из трех человек!

По странной ассоциации мне вспомнились утренняя капризуля из нашего дома и ее мамаша с красиво очерченными

³ Линия метро, пересекающая лондонский регион с запада на восток.

яркими губами, гривой черных волос и отличными белыми зубами. Между собой они говорили по-итальянски, и я подавила искушение похвастаться, что только что вернулась из Италии после медового месяца.

Я часто думаю, как живут другие люди. Интересно, кем работает эта красавица? Моделью? Но сегодня мои мысли против воли возвращались ко мне самой, к моей жизни. Как бы я жила, стань я социальным работником, а не юристом? Что, если бы вскоре после переезда в Лондон я не пошла на вечеринку вместе с новой соседкой по квартире – ведь обычно я отказывалась? Не пролила бы вино на кремовый ковер? И если бы тот добрый рыжий молодой человек («Здравствуйте, меня зовут Эд») в темно-синем галстуке и с интонацией, свидетельствовавшей о прекрасном образовании, не помог мне оттереть пятно, уверяя, что ковер в любом случае был слишком скучный и такой «акцент» его только оживил? Что, если бы я не напилась (чтобы расслабиться) и не рассказала Эду о смерти моего брата, когда он спросил меня о семье? Что, если бы этот оригинал, который рассмешил меня и оказался хорошим слушателем, не сделал мне предложение буквально на втором свидании? Что, если бы его эстетский, привилегированный мир, разительно отличавшийся от моего, не показался мне спасением от ужасов прошлого?

– Ты говоришь мне правду о Дэниэле? – Голос матери врезался в плотные ряды голосов ворон и на невидимом буксире вытащил меня из Лондона в Девон, куда мы переехали через

два года после появления Дэниэла.

Я плотнее запахнулась в свое взрослое пальто и будто бы выбросила мамин требовательный голос из окна на рельсы. Я не обязана больше это слушать. Я взрослая. Я замужем. У меня серьезная работа с определенными обязанностями, которой я сейчас и займусь, вместо того чтобы ворошить прошлое.

– Нужно предугадывать ход мысли обвинения, – учил меня один из старших партнеров фирмы, – и быть на шаг впереди.

Поерзав на сиденье в попытке отвоевать немного места между двумя парами мощных коленей в серых брюках, я открыла свой раздутый портфель (непростая задача в переполненном вагоне). Заслоняя от соседей резюме уголовного дела (нам нельзя читать секретные документы в присутствии посторонних), я пробежала глазами по тексту, чтобы освежить в памяти детали.

КОНФИДЕНЦИАЛЬНО PRO BONO⁴

Джо Томас, 30 лет, страховой агент. Осужден в 1998 году за убийство Сары Эванс, 26 лет, продавщицы модного магазина и сожительницы обвиняемого, совершенное посредством сталкивания жертвы в ванну с кипятком.

⁴ Дело, за ведение которого адвокат не получает гонорара (лат.).

Смерть наступила в результате сердечной недостаточности и сильных ожогов. Соседи показали под присягой, что слышали звуки скандала. Синяки на теле жертвы соответствуют следам от насильственного удержания в воде.

При упоминании о ванне меня передернуло. Убийство должно совершаться чем-то опасным, вроде острого лезвия, камня или яда, как у Борджиа, а ванне полагается быть успокаивающей, безмятежной, как нежно-зеленая линия метро. Как медовый месяц.

Вагон раскачивался, и меня бросало к коленям то справа, то слева. В какой-то момент я выпустила бумаги из рук, и они рассыпались по мокрому полу. Я в ужасе сгребла их в охапку, но слишком поздно: владелец брюк справа от меня подал мне записку по делу, впившись глазами в печатные строчки.

Мое первое убойное дело, хотелось мне объяснить, чтобы побороть настороженность в его взгляде. Но вместо этого я густо покраснела и запихала бумаги в портфель, сознавая, что, окажись здесь мой шеф, он бы тут же меня уволил.

Поезд прибыл слишком быстро, как мне показалось. Надо выходить. Надо спасать человека, который мне уже заочно отвратителен (ванна с кипятком!). Но все, о чем я мечтаю, – это снова оказаться в Италии и заново прожить наш медовый месяц. На этот раз как следует.

Всякий раз при слове «тюрьма» я представляла себе что-

то вроде Кольдица⁵, но здание, к которому мы подъехали, походило скорее на развалюху свекра и свекрови в Глостершире. Я ездила к ним всего один раз, но и этого оказалось достаточно: атмосфера была леденящей, и я говорю не об отсутствии центрального отопления.

– А мы точно приехали куда надо? – спросила я.

Таксист кивнул. Я чувствовала, что он улыбается, хоть и не могла видеть его лицо.

– Все удивляются. Раньше это был частный дом, пока не перешел на баланс пенитенциарной службы ее величества. – Голос таксиста стал суровее: – Сейчас здесь свора кровавых психов, и не только среди заключенных.

Я с интересом подалась вперед. Беспокойство о том, возместят ли мне расходы на такси (как оказалось, автобус до тюрьмы не идет), отошло на второй план от такой интригующей информации. Я знала, что в Брейквильской тюрьме ее величества содержатся немало психопатов, потому что это специализированное учреждение, но послушать знающего человека не помешает.

– Вы об охранниках? – отважилась я спросить.

Послышалось фырканье. Мы ехали мимо ряда несомненно муниципальных жилых домов.

– Ну а о ком еще. Мой шурин работал здесь надзирателем, пока у него не случился нервный срыв. Жил в одной из этих хибар. – Таксист резко мотнул головой.

⁵ Средневековый замок в Германии.

Мы повернули за угол, и слева показался один из самых красивых домов, какие я только видела, с прекрасными раздвижными окнами и великолепным красно-золотым плющом, карабкающимся по стенам. Построенный, видимо, при короле Эдуарде, особняк составлял резкий контраст с щитовыми домишками справа.

– Вон там запишитесь, – сказал таксист, указав на нужное здание.

Я пошарила в сумке, чувствуя себя обязанной оставить чаевые хотя бы за дополнительную информацию.

– Спасибо. – В его голосе послышалось удовольствие, но в глазах мелькнуло беспокойство: – Заключенных навещаете?

Я ответила не сразу. Так вот за кого он меня принимает – за очередную благодетельницу, которая считает своим долгом протянуть руку помощи преступникам?

– Вроде того.

Он покачал головой:

– Будьте осторожны. Эти амбалы... они здесь за дело, не забывают.

Он уехал. Я проводила такси взглядом до конца аллеи: моя последняя связь с внешним миром. И, только направившись к зданию, сообразила, что забыла попросить чек за поездку. Если я даже это не могу нормально сделать, на что надеяться Джо Томасу? Да и заслуживает ли он надежды?

– Сахар, скотч, чипсы, колюще-режущие предметы? –

грозно спросил охранник за стеклянной перегородкой.

Мне показалось, что я ослышалась – мысли были заняты этой странной поездкой. Послушавшись таксиста, я направилась к увитому плющом особняку, с облегчением вздохнув при мысли, что тюрьма, оказывается, вовсе не страшная, но оттуда меня отправили назад – мимо сборных домиков к высокой стене (которую я вообще не заметила) с протянутой поверху колючей проволокой. С замиранием сердца я шла вдоль стены, пока не увидела маленькую дверь. «Звоните» – гласила табличка.

Задышавшись, я нажала на кнопку. Дверь открылась автоматически, и я шагнула в комнату, не отличавшуюся от зала ожидания в небольшом английском аэропорту. С одной стороны тянулась стеклянная перегородка, у которой я теперь и стояла.

– Сахар, скотч, чипсы, колюще-режущие предметы? – повторил охранник, глядя на мой портфель. – Сэкономите время, если достанете все до досмотра.

– Нет, у меня ничего такого нет... А почему вдруг именно сахар, скотч и чипсы?

Маленькие любопытные глазки человека за перегородкой впились в меня.

– Из сахара они делают самогон, скотчем могут заклеить вам рот, а чипсы вы могли захватить, чтобы добиться их расположения. Такое уже случалось, можете мне поверить. Я ответил на ваш вопрос?

Он был явно доволен собой. Я знаю таких людей (один из них мой начальник): им доставляет удовольствие смешивать вас с грязью. Охранник своего добился: я смутилась, но внутренняя сила, которую я в себе и не подозревала, помогла мне не прореагировать.

– Если под словом «они» вы подразумеваете свой контингент, то им не повезло, – парировала я. – У меня с собой нет ничего из вашего списка.

Он пробормотал что-то вроде «прекраснодушные адвокатшкы» и нажал на кнопку звонка. Из дальней двери вышла женщина в форме.

– Поднимите руки, – велела она.

Это снова напомнило мне аэропорт, только сейчас ничего не зазвенело. На мгновение я снова оказалась в Риме, где из-за моего серебряного браслета (свадебного подарка Эда) при досмотре сработала сирена.

– Откройте портфель, пожалуйста.

Я подчинилась. Там лежала папка с документами, косметичка и упаковка мятной жвачки.

Женщина схватила косметичку и жвачку, будто трофеи.

– Боюсь, это мы вынуждены конфисковать. Получите на выходе. Зонт тоже.

– Зонт-то почему?

– Потенциальное оружие. – Охранница говорила сухо, но в ее голосе угадывалось сочувствие, которое отсутствовало у человека за стеклянной перегородкой. – Сюда, пожалуйста.

Она вывела меня через другую дверь. К моему удивлению, я оказалась в довольно красивом садике, разбитом во внутреннем дворе. Мужчины в зеленых, как одежда Робин Гуда, тренировочных штанах и фуфайках сажали лакфиоль. Моя мать в Девоне тоже занимается посадками, вчера она сообщила мне об этом по телефону. Поразительно, как не знакомые друг с другом люди в разных частях света могут одновременно заниматься одним и тем же, но при этом общее дело не означает, что между ними существует какая-то связь.

Один из заключенных бросил взгляд на кожаный ремень охранницы, на котором висели связка ключей и серебряный свисток. Разве свисток поможет, если эти люди на нас набросятся?

Мы пересекли скверик и подошли к соседнему зданию. Моя спутница вынула из мешочка ключи, выбрала нужный и отперла дверь. Мы оказались в коридоре. Впереди еще две двери. Двойные двери с двойными затворами, разделенными расстоянием примерно в дюйм. Охранница открывала их и сразу запирала за нами.

– Не прищемите пальцы.

– А вы проверяете, хорошо ли закрыли? – зачем-то спросила я.

Она пристально посмотрела на меня:

– Нет.

– Я по два раза возвращаюсь, чтобы проверить, закрыта ли дверь квартиры, – сообщила я. Почему я это сказала, не

знаю. Может, чтобы привнести немного юмора в незнакомый мир, в котором оказалась.

– Здесь необходимо во всем быть на высоте, – осуждающе заметила охранница. – Сюда.

Еще один коридор, снова двери, и возле каждой на стене табличка: «Крыло А», «Крыло Б», «Крыло С».

Навстречу нам шла группа мужчин в оранжевых тренировочных костюмах. Один из заключенных – лысый, с блестящей кожей – кивнул охраннице:

– Доброе утро, мисс. – И уставился на меня.

Они все смотрели. Я залилась краской. Горячая волна нахлынула до самых корней волос. Я подождала, пока они прошли.

– А что, им разрешено ходить по коридорам?

– Только при свободном перемещении.

– Как это?

– Если из своего крыла они направляются в спортзал, часовню или на учебу. Это не требует такого надзора, как в других ситуациях – когда каждого заключенного сопровождает конвоир.

Я хотела спросить, что это за ситуации, но вместо этого, отчасти от нервозности, у меня вырвалось:

– А они сами выбирают себе цвет одежды? Например, вот этот ярко-оранжевый?

– Нет, это чтобы сразу было видно, из какого они крыла. И не задавайте им подобных вопросов, иначе они решат, что

вы ими интересуетесь. Некоторые из этих мужчин довольно красивы, но опасны. Они начнут диктовать вам условия, набиваться в друзья, чтобы усыпить вашу бдительность и заставить плясать под свою дудку. Они незаметно вытянут из вас информацию или спровоцируют на нарушение тюремных правил.

Вот ерунда. Это какой же нужно быть душой, ведь все шито белыми нитками. Мы остановились у входа в крыло Д. Снова двойные двери и запоры. Я прошла вперед и подождала, пока охранница повернет ключ в замке. Перед нами тянулся широкий коридор с дверями по обеим сторонам. По нему, словно по бульвару, слонялись трое заключенных. Они уставились на нас. Четвертый чистил аквариум, стоя к нам спиной. Меня поразила нелепость увиденного: убийцы ухаживают за золотыми рыбками? Но не успела я задать этот вопрос, как меня отвели в офис.

За письменным столом сидели двое молодых людей, мало чем отличавшихся от тех, что находились в коридоре, – короткие стрижки и пытливые взгляды, разве что одеты они были в форму тюремной охраны.

Пояс юбки врезался в талию. Я в который раз пожалела, что дала себе волю в Италии. Интересно, а заедать отрицательные эмоции нормально для медового месяца?

– Адвокат к мистеру Томасу, – саркастически объявила моя провожатая, сделав ударение на «мистере».

– Распишитесь здесь, – сказал один из охранников, пере-

ведя взгляд с моего портфеля на грудь и снова на портфель. На столе перед ним лежал какой-то таблоид с едва одетой моделью на первой полосе. Охранник взглянул на часы.

– Вы опоздали на пять минут.

«Это не моя вина, – хотела я ответить, – меня ваш досмотр задержал». Но здравый смысл подсказывал придержать язык и поберечь дыхание для более серьезных споров.

– Я слышал, Томас подал апелляцию, – сказал другой. – Бывают же такие, никогда не сдаются!

За нашими спинами кто-то вежливо кашлянул. На пороге кабинета стоял высокий, хорошо сложенный темноволосый человек с короткой аккуратной бородкой. Я его узнала: он был среди тех, кто ждал в коридоре. Но вместо того чтобы разглядывать меня, он скупно улыбнулся и протянул руку. Его рукопожатие оказалось крепким – у меня даже пальцы слиплись. Джо Томас – опытный страховой агент, напомнила я себе.

Он не был похож на заключенного – по крайней мере, по моим представлениям. Не было видно татуировок (у охранника за столом на предплечье красовалась красно-синяя голова дракона), на запястье – дорогие часы, начищенные коричневые туфли выделялись среди кроссовок других мужчин в комнате и не сочетались с зеленой тюремной робой. Складывалось впечатление, что находившийся передо мной человек привык носить пиджак и галстук. И в самом деле, я заметила воротник белоснежной рубашки, выглядывающий

из-под предписанной правилами фужайки. Волосы коротко, но аккуратно подстрижены, открывая высокий лоб и темные брови. В глазах настороженность, надежда и некоторое волнение. Голос у моего нового клиента оказался низкий, густой. Уверенный. С акцентом, но не грубым и не таким, от которого старались избавиться. Этого человека можно было принять за соседа по дому, за такого же, как я, адвоката, управляющего местного гастронома...

– Я Джо Томас, – сказал он, отпуская мою руку. – Спасибо, что приехали.

– Лили Макдональд, – представилась я. Начальник велел мне назвать свои имя и фамилию. «Дистанция необходима, – пояснил он, – но не захотите же вы показаться высокомерной. Нужно найти некий баланс».

Лица Джо Томаса выражало молчаливое восхищение. Я снова покраснела, на этот раз не столько от страха, сколько от смущения. Когда мне случалось становиться объектом внимания, я не знала, как реагировать. Особенно сейчас, когда это было явно неуместным. Я никогда не избавлюсь от комплексов и старых дразнилок: Лили Толстилли, пушка-пампушка... Учитывая обстоятельства, я до сих пор не могу поверить, что у меня на пальце обручальное кольцо. Мне вдруг вспомнилось, как мы с Эдом лежали в постели в наш медовый месяц. Теплое солнце лилось через планки кремово-белых ставен. Мой новоиспеченный муж открывает рот, хочет что-то сказать и вдруг отворачивается от меня...

– Следуйте за мной, – сурово сказал один из охранников, вернув меня к реальности.

Вместе с Джо Томасом мы пошли по коридору, провожаемые взглядами заключенных. Мимо человека, оттиравшего аквариум с таким тщанием, что в любом другом месте это показалось бы трогательным. Мы подошли к тесной камере с табличкой «Посещения». Зарешеченное окно выходило в бетонный двор. Вокруг все было серым: стол, металлические стулья, стены, но имелось и исключение – постер с радугой и словом «Надежда», выведенным крупными фиолетовыми буквами.

– Я буду за дверью, – сказал охранник. – Вас устроит?

Каждое его слово источало пренебрежение нами.

– Работники тюрьмы не особо жалуют адвокатов, – предупредил меня шеф. – По их понятиям, вы играете не по правилам – пытаетесь снять клиента с крючка, тогда как полиция и Королевская служба уголовного преследования проливали кровь, пот и слезы, чтобы его закрыть.

Объяснение казалось доходчивым.

Джо Томас вопросительно смотрел на меня. Я собралась с духом и взглянула ему в глаза. Пусть я высокая, но он еще выше.

– Свидания обычно проходят под присмотром охраны, но не обязательно в ее присутствии, – говорил мне начальник. – Наедине с адвокатом заключенные становятся словоохотливее, но в каждой тюрьме свои порядки, в некоторых вам про-

сто не предоставят выбора...

В Брейквиле предоставили.

«Нет, нет, совсем не устраивает, – чуть не сказала я, – пожалуйста, останьтесь здесь, со мной!»

– Да, спасибо, – услышала я собственный голос, показавшийся мне чужим, принадлежащим кому-то более смелому и опытному.

Казалось, охранник собирался пожать плечами, но сдержался.

– Постучите в дверь, когда закончите. – И оставил нас вдвоем.

Наедине.

Глава 4. Карла

Время тянулось мучительно медленно. Прошла целая вечность с тех пор, как Карла утром видела полную золотоволосую соседку. В животе у нее уже урчало от голода. Значит, скоро обед?

Она уныло поглядывала на классные часы. Большая стрелка была на десяти, маленькая – на двенадцати. Это десять минут первого или двадцать минут одиннадцатого? Или что-то совсем другое, потому что, как однажды сказала мама, в этой стране все не как у людей?

Взгляд Карлы блуждал по соседним партам. У всех были зеленые пеналы, раздувшиеся от карандашей, фломастеров и ручек с настоящими чернилами. Как она ненавидела свой дешевый пластмассовый пенал с заедавшей молнией и одной-единственной шариковой ручкой, потому что на большее у мамы нет денег!

Неудивительно, что с ней никто не хочет дружить.

– Карла!

Девочка вздрогнула.

– Может, ты нам скажешь? – учительница показала на доску, где было написано слово. – Как ты думаешь, что это?

«Пунктуальный»? Такого слова Карла еще не встречала, хотя каждый вечер в постели читала «Детский словарь» и уже дошла до буквы «В». С «В» начинались такие слова, как

вальс, велосипед, волк.

Под подушкой у нее лежала тетрадь со старательно записанным значением каждого слова и нарисованной рядом картинкой, напоминавшей, что это слово значит. С волком и велосипедом было просто. Нарисовать вальс было сложнее.

– Карла! – резко произнесла учительница. – Ты опять не слушала на уроке?

По классу пронеслись смешки. Карла покраснела.

– Она не знает, – пропел рыжий, как морковка, мальчишка, сидевший за Карлой. И уже тише, чтобы не слышала учительница, добавил: – Волосатая Карла Спаголетти не знает!

Смех усилился.

– Кевин, – окликнула его учительница, но уже не так резко, как только что Карлу. – Что ты там сказал?

Она снова повернулась к Карле, сидевшей во втором ряду, и впилась в нее глазами. Карла сама захотела сидеть во втором ряду, чтобы лучше учиться. Однако те, кто сидит в третьем, вечно подстраивают ей всякие гадости, и им все сходит с рук.

– Прочти слово по слогам, Карла. Ну, как оно начинается? «Пу...» – смогла прочесть Карла про себя. Дальше, кажется, «ка»...

– Ну же?

– Пукательный, – сказала Карла вслух.

Визг и хохот в классе стояли оглушительные.

«Я дома дошла только до “В”», – хотела сказать Карла, но

ее голос потонул не только в граде насмешек – его заглушил громкий звонок. Сразу началась суета: книжки нырнули в портфели, ноги зашаркали по полу, а учительница что-то говорила о новом правиле игры на большой перемене.

Большая перемена? Тогда уже десять минут первого, а не двадцать минут одиннадцатого! Карла с облегчением вздохнула. Класс опустел.

Рыжий мальчишка оставил свой пенал-гусеницу на парте. Гусеница подмигнула Карле.

«Чарли, – сказала она. – Меня зовут Чарли».

Не дыша, Карла на цыпочках подошла и погладила мех Чарли. Затем медленно, замирая от страха, сунула пенал под блузку. Она уже «почти готова» к своему первому лифчику, как говорит мама, но пока что ей приходится довольствоваться жилетом. Однако под блузку еще можно что-то спрятать, как мама часто прячет деньги на груди «на всякий пожарный случай».

– Теперь ты мой, – прошептала Карла гусенице, одернув жилет. – Рыжий тебя не заслуживает.

– Ты что тут делаешь? – учительница сунула голову в дверь. – Все уже в столовой. Спускайся немедленно!

Карла села отдельно от остальных детей, чувствуя, как Чарли уютно прижимается к ее груди. Не обращая внимания на обычные ядовитые насмешки («Карла, а где твои спагетти?»), девочка через силу жевала жесткое мясо. На прогулке она отошла в дальний конец спортивной площадки и присе-

ла прямо на асфальт, стараясь стать совсем незаметной.

Обычно на площадке она чувствовала себя униженной и обделенной, но только не сейчас. Не сейчас, когда у нее появилась собственная зеленая гусеница, такая теплая и приятно льнувшая к обнаженной коже.

– Мы позаботимся друг о дружке, – прошептала Карла.

«Но что будет, когда они обнаружат, что меня взяла ты?»

– прошептал Чарли.

– Я что-нибудь придумаю.

Ай! Удар по голове произошел так быстро, что Карла едва успела заметить футбольный мяч, мелькнувший в воздухе. Голова закружилась, а правый глаз не слушался, словно и не принадлежал ей.

– Карла, с тобой все в порядке? Тебе плохо? – Голос учительницы звучал словно издалека. Карла смутно видела, как другая преподавательница выговаривала рыжему мальчишке, хозяину гусеницы Чарли:

– Кевин! Тебе ясно было сказано о новом правиле – никаких игр с мячом на этом краю площадки! Смотри, что ты наделал!

«Это наш шанс, – прошипел Чарли. – Скажи ей, что тебе надо домой, и мы окажемся в безопасности раньше, чем меня хватятся!»

Карла с трудом поднялась на ноги, стараясь не делать лишних движений, от которых ее новый друг мог сдвинуться под одеждой. Сложив руки на груди, чтобы прикрыть Чарли,

она через силу изобразила храбрую улыбку, отработанную перед зеркалом. Этому фокусу ее обучила мама. Каждый вечер мама примеряла разные лица перед зеркалом на комодe в ожидании приезда дяди на блестящей машине. Если он не опаздывал, на ее губах играла счастливая улыбка. А если опаздывал, в улыбке появлялся оттенок грусти. Была у мамы улыбка, сопровождавшаяся легким наклоном головы, когда она спрашивала, хочет ли он еще вина. И была улыбка одними губами, когда мама велела Карле идти в постель, чтобы они с Ларри могли послушать музыку вдвоем.

Сейчас Карла улыбнулась чуть грустной улыбкой.

– У меня глаз болит. Можно я пойду домой?

Учительница, нахмурясь, отвела ее в канцелярию.

– Надо позвонить твоей маме и убедиться, что она дома.

Aiuto! Помогите! Об этом Карла не подумала.

– У нас телефон не работает, потому что мы не оплатили счет, но мама дома.

– Точно дома?

Первая половина была правдой: мама действительно собиралась сказать Ларри про телефон. Он оплатит счет, и телефон снова заработает. Но вторая, насчет того, что мама дома, – нет. Мама на работе.

Необходимо каким-то образом попасть домой до того, как Чарли найдут под ее школьной блузкой.

– Здесь есть рабочий телефон, – сказала учительница, открыв личное дело Карлы. – Давай все же попробуем позво-

нить.

Ну вот, все пропало. Карла, дрожа, слушала разговор.

– Понятно, – учительница положила трубку и со вздохом повернулась к Карле. – Похоже, твоя мама взяла выходной. Ты не знаешь, где ее можно найти?

– Я же вам сказала, она дома! – Ложь так легко соскользнула с языка, словно кто-то только что вложил ее Карле в рот. – Я и одна могу дойти, – добавила девочка, глядя на учительницу здоровым глазом. – Я близко живу.

– Нет, так нельзя. Кому бы еще позвонить... Как считаешь, соседи позовут к телефону твою маму?

Карла вспомнила золотоволосую соседку и ее мужа, но они с мамой никогда с ними не разговаривали. «Нам лучше стараться быть самим по себе», – твердила мама. Так хотел Ларри. Он хотел ее только для себя.

– Есть мамин знакомый, Ларри, – безнадежно сказала Карла.

– У тебя есть его телефон?

Девочка покачала головой.

– Мисс, мисс! – в дверь забарабанил одноклассник Карлы. – Кевин опять дерется!

Учительница громко вздохнула.

– Иду! – В коридоре им навстречу попала помощница учителя. Она была новенькой и всегда ходила в босоножках, даже в дождь. – Сандра, проводите девочку домой. Она живет через пару остановок, у нее мама дома. Кевин, прекрати

сейчас же!

На улице, шагая рядом с женщиной в босоножках, Карла почувствовала себя совсем худо. Глаз так болел, что она почти ничего не видела перед собой, а над бровью что-то острое, по ощущениям, прокалывало голову насквозь. Но хуже всего было знать, что мамы дома нет и придется тащиться обратно в ненавистную школу.

«Не волнуйся, – прошептал Чарли. – Я что-нибудь придумаю».

Ох, ты уж поторопись...

– Код-то знаешь? – спросила у подъезда помощница в босоножках. Конечно, Карла знала. В подъезд они вошли, но, как и ожидалось, на стук в дверь с номером семь никто не открыл.

– Наверное, мама вышла за молоком, – в отчаянии сказала Карла. – Давайте подождем в квартире, она сейчас вернется.

Карла всегда входила домой сама, когда мама была на работе. Она переодевалась, немного прибиралась – собираясь утром, мама всегда металась по квартире, раскидывая вещи, – и начинала готовить на ужин ризотто или пасту. Однажды, заскучав, она залезла под мамину кровать, где хранились «особые вещи». Там нашелся конверт с фотографиями, и на каждой был молодой человек в сдвинутой набок шляпе и с самоуверенной улыбкой. Внутренний голос подсказал Карле положить фотографии обратно и ни о чем не спрашивать, но, когда мамы не было дома, она иногда залезала под

кровать и рассматривала фотографии.

Однако сейчас, принеся стоявший в конце коридора стул, она увидела, что ключа на обычном месте – на карнизе над дверью – нет. Номер семь. Счастливое число, сказала мама, когда они переезжали. Нужно только подождать, пока удача их найдет.

Если бы только у Карлы был ключ от задней двери, к которой можно подобраться по замусоренной территории за домом! Но запасной ключ был у Ларри, чтобы он мог прийти когда вздумается и немного отдохнуть с мамой. Мама всегда шутила, что у него отдельный вход на первый этаж.

– Я не могу оставить тебя одну, – укоризненно протянула помощница в босоножках, будто Карла была в чем-то виновата. – Пошли обратно.

Только не это! Карла боялась Кевина, да и других детей. Чарли, ну сделай же что-нибудь!

И тут она отчетливо услышала приближавшиеся к ним шаги.

Глава 5. Лили

«Обжалование.

Обжаривание.

Обваривание».

Джо Томас пишет на листе бумаги, сидя напротив.

Стянув волосы на затылке (обычно я заправляю их за уши) и стараясь не обращать внимания на запах капусты, доносившийся из коридора, я снова посмотрела на три слова, начертанных на бумаге. Импозантный мужчина, с которым я поздоровалась час назад, исчез. Сидевший передо мной человек не произнес ни слова за целый час. Вот он отложил ручку, ожидая, что я заговорю. Отчего-то он уверен, что я буду играть по его правилам.

Кого-то это могло обескуражить. Но тут пригодился мой подростковый опыт. Когда Дэниэл был жив (я до сих пор с трудом произношу эту фразу), он писал слова и предложения, как хотел, – вверх ногами, справа налево, в случайном порядке.

Он не умел, не мог иначе, утверждает наша мать. Но я знаю, что мог. Когда мы оставались вдвоем, брат писал нормально. Это игра, говорили лукавые искорки в его глазах. Присоединяйся! Мы против них!

Я заподозрила, что Джо Томас затеял со мной игру. Во

мне проснулась неожиданная сила – по телу даже пробежала дрожь. Не на того напал. Я наизусть знаю эти фокусы.

– Обжалование, – отдельно и твердо произнесла я. – Это можно интерпретировать разными способами, не правда ли?

Джо Томас защелкал каблуками. Щелк, щелк. Щелк, щелк.

– Безусловно. Но не все так думают. – Он сухо усмехнулся, будто те, кто так не думает, многое теряют в жизни.

Интересно, кто повесил на стену постер с фиолетовым словом «Надежда»? Не лишенный человечности охранник или какой-то доброхот, навещавший заключенных? В тюрьме, как я уже убедилась, можно встретить кого угодно. Вроде моего клиента.

Мне и самой не помешала бы надежда. Я взглянула в свои бумаги.

– Возьмем вариант «обваривание». В отчете сказано, что от почти стоградусной воды в ванне обваренная кожа вашей подружки буквально отслоилась.

Джо Томас не изменился в лице. Но чего я ожидала? Наверняка он давно привык к граду обвинений. В Брейквильской тюрьме применяется метод так называемой дискуссии, когда не только психологи говорят с заключенными о том, почему те совершили преступления, – свое мнение высказывают и другие участники групповых сессий. Насильник заявляет, что знает, почему его сосед перерезал горло своей матери, а его сосед перехватывает инициативу и подробно

объясняет, почему первый участвовал в групповом изнасиловании тринадцатилетней девочки.

Шеф рассказывал все это не без злорадства, казалось, ему доставляет удовольствие меня страшить. Однако здесь, в тюрьме, во мне шевельнулось невольное любопытство: почему все-таки Джо Томас убил свою подругу, фактически заживо сварив ее в ванне?

Если он ее действительно убил.

– Давайте вспомним версию обвинения, – сказала я.

Лицо моего клиента осталось бесстрастным, будто я предложила проверить список покупок.

Я опустила глаза на страницу досье – больше для того, чтобы избежать тяжелого взгляда этих почти черных глаз. Хорошему адвокату необходима фотографическая память – моя схватывает каждую мелочь. Иногда это даже мешает, но сейчас от этого многое зависит.

– Вы с Сарой съехались через несколько месяцев после знакомства в местном пабе. В суде ее подруги описывали ваши отношения как неровные. Родители Сары показали под присягой, что дочь им жаловалась: вы пытались контролировать каждый ее шаг, и она опасалась, что вы начнете ее бить. Согласно показаниям представителей полиции, Сара действительно написала на вас заявление, когда вы столкнули ее с крыльца черного хода и она сломала правое запястье. Однако потом Сара заявление забрала.

Джо Томас коротко кивнул.

– Она упала, потому что напилась, хотя и обещала бросить, а меня обвинила, не желая, чтобы родители узнали, что она снова взялась за старое. – Он пожал плечами. – Алкоголики очень изобретательно лгут.

Можно подумать, я не знаю...

– Но и ваша бывшая подруга тоже писала на вас заявления в полицию, утверждая, что вы за ней следите.

Джо раздраженно хмыкнул:

– Я бы не назвал это слежкой. Несколько раз я просто шел за ней, желая убедиться, что она действительно идет туда, куда сказала. К тому же заявление она забрала.

– Потому что вы ей угрожали?

– Нет. Потому что поняла: я шел за ней лишь потому, что беспокоился за нее. – Он посмотрел на меня ничего не выражающим взглядом: – Я с ней все равно вскоре расстался.

– Почему?

Джо выразительно посмотрел на меня, словно желая сказать: «А разве не понятно?»

– Потому что она не жила по моим правилам.

Яркий пример домашнего тирана – и психа.

– А потом вы познакомились с Сарой.

Он кивнул:

– Через год и два дня.

– Надо же, какая точность.

– У меня хорошая память на цифры и даты.

Это было сказано без всякого пафоса, скорее как конста-

тация факта, который и так очевиден.

– В вечер ее гибели ваши соседи слышали крики.

Джо покачал головой:

– Вы имеете в виду Джонсов? Они придумают против нас что угодно, я еще до суда предупреждал адвоката. У нас с ними постоянно были проблемы.

– Значит, вы считаете, они все придумали? Но зачем им это нужно?

– Я не Джонсы, откуда мне знать? Повторяю, мы не ладили. Они включали телевизор на полную мощность – мы и минуты покоя не знали. Мы им говорили, но они не слушали. Еще старику Джонсу не понравилось, когда я высказал ему насчет его сада – запущен был донельзя! Это плохо отражалось и на нашем саду, который, могу прямо сказать, я содержал в идеальном состоянии. После этого Джонсы стали вести себя откровенно враждебно: начали нам угрожать, бросали мусор к нам в сад... – Он сжал губы в тонкую линию. – Но обвинять меня в убийстве – это они уже зарвались.

– Как тогда вы объясните свои отпечатки на бойлере? – Я показала на соответствующую строчку в полицейском отчете. – Обвинение заявило, что температура воды была максимальной.

Выражение темных глаз не изменилось.

– Я уже все сказал адвокату, неужели надо повторять? Горелка постоянно гасла, ее приходилось зажигать заново – конечно, на бойлере останутся отпечатки!

– Но как все-таки погибла Сара, если вы ее не убивали? Как вы объясните наличие синяков на ее теле?

Его пальцы начали барабанить по столу, словно в такт неслышной музыке.

– Давайте я расскажу вам, как все произошло. Только вы уж позвольте мне рассказать, как я это вижу.

Похоже, Джо Томасу необходимо всегда контролировать ситуацию, иначе он не умеет. Что ж, попробуем разок. Посмотрим, что мне удастся выяснить.

– Пожалуйста.

– В тот день Сара задержалась на работе. Было уже две минуты девятого, когда она вернулась. Обычно она приходила в шесть ноль-ноль.

Не удержавшись, я перебила:

– Откуда такая точность?

На лице Джо Томаса появилось такое выражение, будто я сказала невероятную глупость.

– Потому что от бутика до дома идти ровно одиннадцать минут. Это одна из причин, почему я настоял, чтобы она перешла туда работать, когда мы стали жить вместе. Это же удобно.

Я вспомнила досье Сары. Продавщица модного магазина – это определенный стереотип. Но я тут же подумала, что я, например, не типичный адвокат, Эд – не типичный рекламщик. А Джо? Разве он типичный страховой агент? Не уверена. Он на редкость точен во всем, что касается цифр.

– Продолжайте, – попросила я.

– Она была пьяна.

– Как вы это поняли?

Очередной взгляд, означавший: «Вы что, дура?»

– Она едва держалась на ногах, и от нее разлило вином.

Позже выяснилось, что, кроме вина, она выпила и полбутылки водки, но ее учуять труднее.

Я сверилась с досье. Он прав, концентрация алкоголя в крови жертвы была высокой. Но это не доказывает, что он ее не убивал.

– А потом?

– У нас произошла ссора из-за ее опоздания. Я, как всегда, приготовил ужин – лазанью с чесноком, базиликом и томатным соусом, но все остыло и стало невкусным. Признаю, мы говорили на повышенных тонах, но криков, как утверждают соседи, не было. Потом... – Джо сморщился от отвращения, – ее вырвало прямо на кухонный пол.

– Потому что она была пьяна?

– А вы что, никогда не видели, как тошнит пьяных? Омерзительное зрелище. Ей полегчало, но она была вся в рвоте. Я велел ей пойти вымыться, обещал, что сам наберу воды, как всегда, но Сара захлопнула дверь передо моим носом и включила в ванной радиоприемник. «Радио 1», ее любимое. Тогда я пошел на кухню мыть пол...

– Разве вас не встревожило, что она, пьяная, принимает ванну? – перебила я.

– Сперва нет. Как я уже сказал, после того как ее вырвало, ей стало легче, она немного протрезвела. Да и что я мог сделать? Мне не хотелось, чтобы она опять написала на меня заявление в полицию. У Сары было богатое воображение.

– Когда вы пошли ее проведать?

– Примерно через полчаса я начал беспокоиться: не было слышно плеска воды. На мой стук Сара не ответила, поэтому я вошел. – Его взгляд стал пустым. – Я ее едва узнал, хотя она лежала лицом вверх. Кожа багрово-фиолетовая и отслаивалась большими лоскутами. По всему телу огромные волдыри с мутной жидкостью...

Меня передернуло.

Джо замолчал. Я перевела дух.

– Должно быть, она поскользнулась и упала в ванну. Вода была очень горячей, – продолжал он. – Гораздо горячее, чем должна быть спустя полчаса, поэтому я даже представить себе не могу, какой она была, когда Сара легла в ванну. Я руки себе обварил, пока ее поднимал. Пытался ее реанимировать, но я никогда не учился оказывать первую помощь. Я не знал, правильно все делаю или нет, и позвонил в 999.

– Полицейские заявили, что вы не были расстроены, когда они приехали.

Джо снова посмотрел мне в глаза.

– Люди по-разному проявляют эмоции. Кто сказал, что рыдающий громче всех больше скорбит?

В логике ему не откажешь.

– Я говорю вам правду, – твердо прибавил он.

– Однако присяжные сочли вас виновным.

Я скорее почувствовала, чем увидела, как что-то напряглось в глубине его глаз.

– Они все неправильно поняли. Мой адвокат оказался идиотом.

Постер с «Надеждой» казался сейчас насмешкой.

– Понимаете, апелляция подается только при появлении новых доказательств. То, о чем вы рассказали, уже есть в деле. Даже если ваш рассказ правдив, нам нечем это подтвердить.

– Я знаю.

Я начала терять терпение:

– Появились вновь открывшиеся обстоятельства?

Он смотрел на меня в упор:

– А это вы и будете выяснять.

Он снова взял ручку и написал: «Копайте».

– Мистер Томас, у вас есть новые улики?

Он продолжал писать. Что это, какая-то подсказка?

– А вы как думаете?

Я готова была сорваться на резкость от досады, но продолжала ждать. Молчание – еще одна уловка, которой я научилась у Дэниэла.

Мерно тикали настенные часы, которых я до этого не замечала. Под часы была засунута записка: «Не снимать». Не удержавшись, я фыркнула. Это растопило лед.

– Прежние украл один из заключенных. – Джо Томаса это тоже явно забавляло. – Разобрал на части – хотел посмотреть, как они работают.

– Посмотрел?

– Нет, часам пришел конец. – Выражение его лица снова стало жестким, и он провел ребром ладони по горлу. – Капут.

Жест явно был направлен на то, чтобы меня напугать. Мне действительно стало не по себе, но отчего-то внутренне я была настроена никак этого не показывать. Я взглянула на листок бумаги, лежавший перед Джо Томасом.

– Что значит «копайте»?

– Руперт Брук, – сказал он, будто все и так было очевидно. – «Есть ли мёд еще для чая?» Помните? Звон церковных колоколов в деревенской зелени и тому подобное.

Я удивилась:

– Вам нравятся поэты, прошедшие войну?

Джо Томас пожал плечами, глядя через окно во двор для прогулки заключенных.

– Я не был с ними лично знаком. Откуда мне знать, нравятся они мне или нет? Я могу только догадываться об их чувствах.

– И какие же это чувства?

Джо Томас вдруг повернул ко мне голову:

– А вы не слишком старательно готовили домашнее задание, мисс Холл.

Я замерла. Разве он не слышал, что я представилась Ли-

ли Макдональд? Откуда он знает мою девичью фамилию? Я снова ощутила тепло руки Эда, державшей мою ладонь у алтаря. Визит в тюрьму был запланирован еще до моей свадьбы. Может, Джо Томасу назвали мою прежнюю фамилию, а когда я представлялась, он не слушал? Чутье подсказывало, что лучше его не поправлять: замечание испортит весь разговор.

Меня больше задела его слова о моей якобы небрежности. Что я упустила? Мой начальник любит повторять, что адвокат не может ошибаться. У меня до сих пор обходилось без ляпов, а другого молодого сотрудника, которого взяли на работу одновременно со мной, уже уволили, потому что он прозевал сроки подачи апелляции.

– Этого нет в ваших записях, – сказал Джо Томас, когда я опустила глаза в свои бумаги. – Я рассчитывал, что вы, как адвокат, окажетесь дотошнее. Подумайте. Поэты военной поры: через что они прошли? Какие общие черты проявились у них после возвращения домой?

Я почувствовала себя невеждой на телевикторине.

– Шок, – ответила я. – Многие отказывались разговаривать из-за посттравматического стресса.

Джо Томас кивнул:

– Продолжайте.

Я напрягла память. У меня же была пятерка по литературе!

– У некоторых отмечались вспышки насилия.

Джо Томас откинулся на спинку стула, сложил руки на груди и удовлетворенно улыбнулся:

– Вот именно.

Бессмыслица какая-то.

– Вы же не служили в армии!

– Не служил.

– Так почему же вы убили свою подружку?

– Зачетная попытка. Не забывайте, я заявил, что невиновен. Присяжные приняли неверное решение, поэтому я подаю апелляцию. – Он постучал по моему досье длинным, как у художника, пальцем, не сочетавшимся с его крепкой фигурой. – Здесь есть все, кроме одной подсказки. Теперь она в вашем распоряжении.

Скрипнул отодвигаемый стул – Джо Томас неожиданно встал. На мгновение комната закружилась. Во рту пересохло. Что происходит? Передо мной остались только эти очень темные, почти черные глаза, видевшие меня насквозь. Они знали, что творится внутри меня. Они видели то, чего не видел Эд. А самое главное, они меня не осуждали.

Джо Томас наклонился ко мне, и я уловила его запах, который трудно описать, – это не одеколон с ароматом сосны и лимона, как у моего мужа. Более грубый, влажный, землистый, звериный запах. Мне вдруг стало трудно дышать.

Бац! Я подскочила на месте. Джо Томас тоже. За окном словно завис в воздухе крупный серый голубь. Ветер подхватил одинокое белое перо – должно быть, птица ударилась о

стекло. Чудом оставшийся невредимым, голубь улетел.

– Живой, – сказал Джо Томас. – А в прошлый раз погиб. Казалось бы, прутья должны их отпугивать, однако им будто все нипочем. А может, действительно нипочем. В конце концов, птицы достигают высот, которые нам неизвестны...

Преступники, предупреждал меня шеф, иногда проявляют удивительную внимательность в самых непредсказуемых случаях, не обманитесь, Лили.

– Я хочу, чтобы вы сейчас ушли и вернулись на следующей неделе. – Инструкции с механической четкостью вырвались изо рта Джо Томаса, будто голубя не было и в помине. – За это время вам нужно выяснить связь между мною и поэтами военной поры. Это даст вам основу для апелляции.

Ну хватит! Всему есть предел.

– Это не игра, – коротко сказала я, желая скрыть необъяснимую смесь страха и восторга, распиравшую мне грудь. – Вы не хуже моего знаете, что о посещениях нужно договариваться заранее. Я могу не успеть все организовать. Постарайтесь максимально использовать сегодняшнюю встречу.

Джо пожал плечами:

– Как скажете. – Он смотрел на мои загорелые руки, на серебряный браслет и новенькое сияющее обручальное кольцо, к которому я еще не привыкла. – Кстати, я, кажется, ошибся? Вы же миссис Макдональд? Надеюсь, медовый месяц вас не разочаровал?

Когда такси остановилось у станции, меня еще била дрожь. Как Джо Томас понял, что я только что вернулась после медового месяца? Возможно ли, чтобы об этом обмолвился шеф, пока в мое отсутствие готовили необходимые бумаги для посещения тюрьмы? В таком случае это прямо противоречит его совету никогда не сообщать о себе никакой информации и держать дистанцию.

Этот совет, как и предупреждение охранницы о том, что заключенные будут пытаться что-то выторговать, были настолько очевидными, что казались даже лишними. Как подавляющее, по-моему, большинство людей, меня шокируют редкие сюжеты в новостях о романах между заключенными и посетителями или охранниками. Я ни разу не читала об адвокате, позволившем себе подобную интрижку. А что до странных мыслей, не дающих мне покоя, так это просто нервы разыгрались. Стресс наложился на разочарование от Италии.

Случайно ли Джо Томас «ошибся» с моей фамилией? Или он пытается меня смутить? Но зачем?

– Пять с половиной фунтов, мисс, – раздался голос водителя.

Благодарная за его невольную помощь, я начала набирать мелочь из кошелька.

– Это евро, – с подозрением сказал таксист, словно я попыталась всучить ему иностранную валюту.

– Извините. – Покраснев, я нашла нужную монету. – Я

была за границей и, должно быть, сложила деньги вместе.

Он нехотя, с явной неловкостью принял чаевые. Ошибка. Простая ошибка... Как легко обвинить кого-то во лжи! Может, и Джо Томас допустил в свое время ошибку и так устал от чужих интерпретаций, что затеял со мной игру? Но с какой целью?

Я взглянула на часы – времени больше, чем я предполагала. Наверное, лучше, не заезжая в офис, поехать домой. Напечатаю отчет о встрече с клиентом, полистаю Руперта Брука. Меня неприятно удивила осведомленность Джо Томаса о моей личной жизни, он заинтриговал меня, вывел из равновесия, и теперь я не успокоюсь, пока не выясню, откуда ему все это известно.

– Вытяните из него все, что можно, – велел мне шеф. – Он сам вышел на нас с просьбой об апелляции. Значит, вскрылись новые обстоятельства. Или ему просто захотелось внимания, что тоже не редкость. В любом случае нам понадобится консультация барристера.

В переводе на человеческий это означало – судебного адвоката.

Но я с неудовольствием сознавала, что нисколько не продвинулась. На каком основании подавать апелляцию? На основании душевной болезни? Или эксцентричного поведения? Ну вот сколько клиентов задают своим адвокатам подобные загадки? Но я склонна согласиться, что в рассказе Джо есть рациональное зерно: алкоголики действительно

изобретательно лгут, соседи сгущают краски, а присяжные все могли неправильно понять.

Перебирая в голове разные доводы, я не заметила, как поезд домчал меня до конечной станции. Через несколько минут – как мне показалось – я уже сидела в автобусе, везущем меня домой. От этого слова по телу пробежала дрожь восторга: дом! Не родительский дом в Девоне, а свое первое семейное гнездышко в Клэпхеме. Я еще успею приготовить ужин. Спагетти болоньезе, это несложно. Переоденусь в голубой восточный халат, который мать подарила мне к медовому месяцу, немного приберусь, чтобы Эду было приятно вернуться домой... И все равно мне было как-то неуютно.

Изредка уходя с работы пораньше, я чувствовала себя школьницей-прогульщицей, а это не моя стихия. Мои отчеты называют «добросовестными» – бальзам для самолюбия, уязвленного отсутствием более существенной похвалы, как, например, «полезные» или «содержательные». Не секрет, что все (и в первую очередь сама) очень удивились, когда я поступила в один из наиболее престижных английских университетов исключительно благодаря упорному труду. А второй раз мне удалось всех удивить, когда меня приняли в юридическую фирму, выбрав из многих соискателей. Когда привыкаешь, что все постоянно идет вкривь и вкось, нормальная жизнь даже шокирует.

– Почему ты решила стать юристом? – спросил отец.

Вопрос показался мне лишним, и я промолчала.

– Из-за Дэниэла, конечно, – ответила за меня мать. – Лили хочет навести в мире порядок. Правда, дорогая?

Выйдя из автобуса, я подумала, что сегодня вспоминала брата чаще, чем за все время. Наверняка это из-за Джо Томаса. Та же оборонительная тактика. Та же надменность в сочетании с угадывающейся беззащитностью. Та же страсть к шарадам. То же упрямое нежелание подчиняться открытому давлению.

Но Джо Томас преступник. Убийца. Убийца, который сегодня оставил тебя с носом, сердито сказала я себе, задержавшись у почтовых ящиков возле двери подъезда. Счет? Уже?

Во мне шевельнулось дурное предчувствие: я говорила Эду, что нельзя брать такую большую ипотеку, но он только подхватил меня на руки, закружил и сказал, что как-нибудь проживем. Не дойдя до нашей квартиры, я остановилась: у соседней, седьмой, спорили женщина и девочка, та самая девочка в темно-синей школьной форме, которую я видела утром. Но спорила с ней не ее мать, красавица брюнетка, а самая заурядная женщина среднего возраста в красных босоножках – совсем не по погоде.

Подойдя ближе, я увидела огромный темный синяк на лице малышки.

– Что происходит? – громко сказала я.

– Вы мама Карлы? – спросила женщина.

– Я-то соседка, – отозвалась я, рассматривая жутковатый

кровоподтек. – А вот вы кто?

– Я помощница учителя, – не без гордости назвалась женщина. – Мне велели отвести ее домой после, э-э-э, неприятности на игровой площадке. Но миссис Каволетти нет дома, ее начальница сказала, что на работе ее сегодня не будет, поэтому нам придется вернуться в школу.

– Нет! Нет! – Девочка – помощница сказала Карла? – повисла у меня на руке. – Пожалуйста, можно, я останусь с вами? Ну пожалуйста!

Помощница не могла решиться, – мое появление стало для нее полной неожиданностью. Я ее понимала. У нее было полное право сомневаться: ребенок мне чужой, хотя и ведет себя так, будто мы хорошие знакомые. Однако в школе ее явно травят. Я знаю, что это такое.

– По-моему, ей нужно в больницу, – сказала я.

– Но мне некогда! – Глаза женщины расширились, словно от страха. – Мне своих детей скоро забирать!

Конечно, это не мое дело, но при виде встревоженного несчастного личика я решила помочь.

– Тогда я ее отвезу, – сказала я, протягивая свою визитку. – Вот мои данные.

«Лили Макдональд, бакалавр права, адвокат».

Это явно успокоило помощницу учительницы, хотя, должно быть, шло вразрез с ее инструкциями.

– Пошли, – сказала я Карле. – Поедем в больницу на такси. Вас подвезти?

Женщина отказалась, но было заметно, что мое предложение ее окончательно успокоило. Мне пришло в голову, что при удачном стечении обстоятельств похитить ребенка проще простого.

– Меня зовут Лили, – сказала я, когда помощница ушла, и сунула под дверь квартиры номер семь записку для мамы Карлы, коротко изложив в ней, что случилось. – Ты знаешь, что разговаривать с чужими людьми вообще-то нельзя?

– Чарли сказал, с вами можно.

– Кто такой Чарли?

Карла вытащила из-под джемпера зеленый пенал.

Прелесть какая! У меня в школе был деревянный, с потайным отделением для ластика.

– Что с твоим глазом?

Карла отвела взгляд:

– Это была ошибка, он не нарочно.

– Кто не нарочно, крошка?

Но не успела я договорить, как в ушах зазвучали голоса.

«Присяжные ошиблись», – сказал Джо Томас.

«Это наверняка какая-то ошибка», – всхлипывая, повторяла мать, когда мы нашли Дэниэла.

«А не ошибку ли я совершаю?» – спрашивала я себя, идя к алтарю.

Хватит с меня ошибок, подумала я, заводя Карлу к нам в квартиру, чтобы вызвать такси.

Отныне я обязана все делать правильно.

Глава 6. Карла

– Кто не нарочно, крошка? – спросила Лили с золотыми волосами, когда они вошли в квартиру номер три. Ее голос звучал очень четко, как у актрис по телевизору. Шикарно, как сказала бы мама.

– Кевин из нашего класса. Он бросил в меня мячом.

Карла потерлась щекой о мех Чарли. Прикосновение было теплым и уютным. Она незаметно рассматривала квартиру. Планировка как у них, но на стенах больше фотографий. И беспорядка больше: на кухонном столе какие-то бумажки, под столом забытые коричневые ботинки. Мужские, на толстой подошве и со шнурками. Обувь, любила говорить мама, едва ли не самое важное в арсенале женщины. Когда Карла призналась, что не понимает, мама только рассмеялась.

– Если твоя мама не на работе, где, по-твоему, она может быть?

Карла пожала плечами:

– Может, с Ларри, это ее друг. Иногда он водит ее обедать в ресторан недалеко от магазина. Она продает косметику, чтобы делать тетенок красивыми.

– А где ее магазин?

– Там, где какие-то бриджи...

Лили улыбнулась, будто Карла сказала что-то смешное.

– Может, в Найтсбридже?

– *Non lo so*⁶. – Когда Карла уставала, она всегда переходила на итальянский, хотя и пыталась заставить маму говорить дома по-английски.

– Ну ладно, мы же оставили ей записку. Такси сейчас приедет.

Карла погладила мягкий зеленый мех:

– А можно Чарли тоже поедет с нами?

– Конечно, пускай она едет.

– Чарли – он.

Лили улыбнулась:

– Отлично.

«Видишь, – прошептал Чарли. – Я же тебе говорил, мы что-нибудь придумаем».

В больнице с ней обращались очень ласково. Одна из улыбчивых медсестер дала ей ячменный сахар, который прилип к небу, и Карле пришлось сунуть в рот палец, чтобы его отковырнуть. Мама не позволяла держать дома конфеты, только когда их приносил Ларри. От конфет толстеют, как и от пирожных, и тогда Карла не найдет бойфренда, который будет платить за квартиру.

Карла надеялась, что золотоволосая Лили не расскажет маме о ячменном сахаре.

– Думай о чем-то приятном, будет не так больно, – сказала та, держа Карлу за руку, пока медсестра мазала бровь чем-то щипучим.

⁶ Я не знаю (*ит.*).

И Карла стала думать об имени своей новой подружки. Лили! Как красиво... Приходя в гости, Ларри иногда приносил букет лилий. Однажды, когда Карла уже легла спать, мама и Ларри так буйно танцевали, что лилии упали на пол и оставили на ковре ярко-желтое пятно. Когда Карла вышла посмотреть, что случилось, Ларри сказал: ничего страшного – и заплатил за чистку ковра. Может, и за починку маминой блузки заплатил – три верхние пуговицы лежали у ее ног, как красные леденцы.

Карла рассказала Лили эту историю, когда они ехали домой на такси. Добираться пришлось довольно долго, потому что таксист сказал про какую-то диверсию.

Лили помолчала, а потом спросила:

– А своего папу ты когда-нибудь видела?

Карла пожала плечами.

– Он умер, когда я была маленькая. Мама плачет, когда мы о нем говорим. – Она отвернулась к окну и стала смотреть на мигающие огни.

– Это площадь Пикадилли, – сказала Лили.

– Правда? – Карла прижалась носом к стеклу. Начинался дождь. Можно притвориться, что в носу хлопает от дождя. – А где львы?

– Какие львы?

– Вы сказали Пикадилли, а Пикадилли – это цирк! А тут ни львов, ни девушек в юбочках, чтобы по проволоке ходить. Послышался приглушенный смех. Так смеялась мама, ко-

гда приходил Ларри. Карла всегда слышала мамин смех через стену, лежа в кровати.

– Не смейтесь, это же правда! Я знаю, какие бывают цирки, я на картинке видела!

Зря она раскричалась – улыбка Лили исчезла. Но вместо того чтобы рассердиться, как мама, когда Карла делала что-то недозволенное, Лили осталась спокойной и милой.

– Прости, ты просто мне напомнила кое-кого.

Карлу тут же охватило любопытство:

– Кого?

Лили отвернулась:

– Одного человека, которого я знала.

Они проезжали под мостом. В такси стало темно. Карла слышала, как Лили сморкается. Когда они выехали с другой стороны, глаза у Лили были очень блестящие.

– Красивый у тебя пенал.

– Он не пенал, а гусеница. – Карла любовно погладила зеленый мех сперва в одном направлении, затем в другом. – Чарли понимает каждое ваше слово.

– У меня такое когда-то было с куклой. Ее звали Амелия.

– А она у вас до сих пор есть?

Лили снова отвернулась:

– Нет.

Голос у Лили стал совсем такой же, как у мамы, когда та говорила, что ужина хватит только на одного, но это неважно, потому что она не голодная. И – тоже как с мамой – Кар-

ла промолчала, потому что иногда взрослые не хотят, чтобы им задавали вопросы.

Такси медленно ехало по большим широким улицам с красивыми магазинами, но вскоре начались улочки поуже, с фруктами в деревянных ящиках на тротуарах. Наконец они проехали знакомый парк и свернули к их дому. Мех Чарли поднялся дыбом, и у Карлы застучало сердце. Мама, наверное, уже дома. Что она скажет?

«Никогда не разговаривай с незнакомцами». Сколько раз она ей это повторяла? А Карла не только уехала с незнакомкой, она еще и украла Чарли.

– Я все объясню твоей маме, – сказала золотоволосая Лили, словно прочитав мысли Карлы, и протянула таксисту две купюры за поездку. «Какая же она богатая!» – Как ты думаешь, она уже вернулась? Если нет, можешь...

– *Piccola mia!*⁷

Облако терпких маминых духов вырвалось из подъезда раньше, чем появилась она сама.

– Где ты была? Я с ума схожу от беспокойства! – Сверкая черными глазами, она гневно уставилась на Лили. – Как вы смеете увозить мою дочь? Что вы сделали с ее глазом? Я на вас в полицию заявлю! Я...

Карла вдруг спохватилась, что Лили не понимает ни слова, потому что мама кричит по-итальянски. Мама называла их родное наречие «языком поэтов, художников и великих

⁷ Моя малютка! (*ит.*)

просветителей», что бы это ни значило. Лили смущенно молчала, пока не прозвучало слово «*polizia*». Тогда она залилась румянцем и явно рассердилась.

– Вашу дочь ударили мячом в школе, – заговорила она очень медленно, словно едва сдерживаясь.

Карла видела, как на шее у Лили выступили розовые пятна.

– Женщина из школьного персонала привела ее домой, но вас не было. Она хотела вести Карлу обратно в школу, но сегодня я раньше вернулась с работы и предложила отвезти Карлу в больницу, показать глаз.

– А учительница почему не отвезла? – Мама перешла на английский.

Карла забеспокоилась, потому что мама часто говорила слова не в том порядке, и люди смеялись или поправляли ее. Карле не хотелось, чтобы маму обижали.

– Ее ждали ее собственные дети.

– Они звонили тебе из школы на работу, – вмешалась Карла. – А в магазине сказали, что тебя сегодня нет.

Мамины глаза расширились.

– Как это? Я была! Менеджересса отправила меня на курсы. Кто-то должен был знать, где меня найти. *Mi dispiace*⁸. – Мама чуть не задушила Карлу в объятиях. – Простите! Спасибо, что позаботились о моей малютке.

Они с мамой постояли, покачиваясь, на грязной лестнице.

⁸ Весьма сожалею! (*um.*)

Мама слишком крепко прижимала ее к себе, но Карла таяла от счастья: так было до того, как в их жизни появился дядя с блестящей машиной, и они жили вдвоем – Карла и мама. И не было никакого смеха за стеной, который лишал ее мамы и звучал в кошмарных снах.

– Вы итальянка? – мягкий голос Лили заставил маму разжать объятия. Карла сразу ощутила привычную пустоту. – Мы с мужем провели медовый месяц в Италии, на Сицилии. Нам очень понравилось.

Мамины глаза повлажнели от слез. Настоящих, заметила Карла, а не тех, которые она тренировала перед зеркалом.

– Отец моей дочери, он родом оттуда...

У Карлы кожу покалывало невидимыми иголочками. Она этого не знала.

– Но сейчас... сейчас...

Бедная мама, слова выходили из ее губ прерывисто, со всхлипами. Ей требовалась помощь. Карла услышала свой собственный голосок:

– А сейчас мы вдвоем с мамой.

Не говори о Ларри, хотелось ей добавить. Не упоминай об этом человеке.

– Это очень тяжело, – продолжала мама. – Я не хочу оставлять мою малютку одну, но бывает, что мне нужно на работу. Хуже всего по субботам, когда нет занятий в школе...

Золотоволосая Лили кивнула:

– Если хотите, мы с мужем можем иногда за ней присмат-

ривать.

У Карлы перехватило дыхание. Так ей не придется сидеть одной взаперти целыми днями? Ей будет с кем поговорить, пока не вернется мама?

– Вы присмотрите за моей девочкой? Как любезно с вашей стороны!

Обе женщины покраснелись. Неужели Лили пожалела о своем предложении? Карла очень надеялась, что нет. Взрослые часто что-то предлагают, а потом отказываются.

– Я должна идти. – Лили взглянула на свой портфель. – У меня работа, а вам хочется пообщаться с дочкой. Не волнуйтесь о ссадине, в больнице сказали, она быстро заживет.

Мама прищелкнула языком:

– Плохая школа. Погодите, вот схожу я завтра к учителям...

– Не получится, мама, ты завтра работаешь.

– Ц-ц-ц. – Мать уже уводила Карлу в квартиру.

– Мы в третьей квартире, если что, – сказала Лили.

Услышала ли мама? На всякий случай Карла запомнила слова соседки.

Как только они остались одни, мама повернулась к Карле, и блестящая алая улыбка превратилась в кривую кричаще-красную гримасу. Как это взрослые так быстро меняют одно лицо на другое?

– Никогда больше не смей говорить с чужими людьми. – Перед носом Карлы покачивался палец с заостренным крас-

ным ногтем. Карла заметила, что с правого края лак чуть-чуть облупился. – На этот раз тебе попался ангел, но в следующий раз удача может изменить и тебе встретится дьявол. Ты поняла?

Карла предпочла промолчать, не удержавшись, однако, от вертевшегося на языке вопроса:

– А мой папа правда с Сицилии?

Мамино лицо стало густо-красным.

– Я не могу об этом говорить – ты же знаешь, это меня расстраивает... – Она нахмурилась, глядя на блузку Карлы: – Что это ты там прячешь?

Карла неохотно вытащила Чарли.

– Он гусеница, – с трудом проговорила она одеревеневшим от страха ртом.

– Это тот пенал, который ты у меня клянчила?

Карла кивнула.

Глаза матери сузились.

– Ты его взяла у кого-то из класса? Поэтому у тебя синяк?

– Нет! Нет! – Карла перешла на итальянский, заговорив отчаянно и быстро-быстро. – Лили же тебе сказала – в меня попали мячом. А по дороге из больницы она купила Чарли, чтобы мне было легче.

Мамино лицо смягчилось.

– Это очень любезно с ее стороны. Я должна сказать ей спасибо.

– Не надо. – Карла почувствовала, как по ногам у нее те-

кут струйки мочи. Такое иногда случалось, если она сильно нервничала. Из-за этого ее тоже дразнили в школе – однажды она описалась на физкультуре («Вонючка Спаголетти, купи себе памперс!»). – Ей будет неловко, как Ларри. Ты же знаешь этих англичан.

Затаив дыхание, она ждала. Когда дядя с блестящей машиной приносил им разные вещи, мама сама твердила: не надо об этом заговаривать, а то ему неловко.

Наконец мама кивнула:

– Ты права.

Карла медленно, с облегчением выдохнула.

– Иди вымой руки – в больницах столько всякой заразы... – Мама взглянула в зеркало и провела руками по черным локонам. – Скоро Ларри приедет на ужин. – Ее глаза сверкнули. – Ляжешь сегодня спать пораньше.

Глава 7. Лили

Середина октября 2000 года

– Сахар, скотч, колюще-режущие предметы, чипсы? – грозно спросил охранник за стеклянной перегородкой.

Мой шеф был прав: к тюрьме действительно привыкаешь. Уже во второй приезд я спокойно выдержала взгляд офицера охраны. Надо же, как чисто бреется. Гладенький, как младенец.

– Нет, – ответила я с неизвестно откуда взявшейся уверенностью и отступила на шаг для личного досмотра. Интересно, а что будет, если взять с собой что-нибудь запрещенное – наркотики или хотя бы безвредный пакетик сахара из кафе? Эта мысль пробудила во мне острое любопытство.

Я шла через тюремный двор, цокая острыми шпильками новых красных туфель. Покупая их, я убеждала себя, что они придадут мне уверенности. Сегодня в саду во внутреннем дворе не было заключенных в одинаковой одежде. День выдался пасмурный, в воздухе пахло морозцем. Я до конца застегнула темно-синюю куртку и прошла за охранницей через двойные двери.

– Ну, как там, в тюрьме? – спросил Эд за ужином, когда я вернулась после первой поездки в Брейквиль.

Честно говоря, мои дневные впечатления почти улетучились, пока я возила маленькую итальянку в больницу и вы-

слушивала претензии ее матери. Ее реакцию, конечно, можно понять: она переволновалась за дочь. «Благодарю вас от всего сердца за заботу о моей Карле», – написала она на листочке, который я потом нашла подсунутым под дверь.

Я до сих пор не решила, правильно ли поступила, вмешавшись, но что поделать, если у тебя гипертрофированное чувство ответственности.

– Там нет воздуха, – ответила я Эду. – Трудно дышать.

– А мужчины? – Он крепко, ободряюще меня обнял. Лежа на диване, мы смотрели телевизор. Нам было хорошо, хоть и немного тесно. Супружеская пара, почти (но не совсем) компенсирующая другую часть отношений...

Мне вспомнились заключенные в коридоре с их пристальными взглядами и бугрившимися под короткими рукавами футболок мышцами и Джо Томас с его неожиданно умными, хоть и странными замечаниями и задачкой для меня.

– Я ожидала другого. – Я прижалась к мужу и зарылась лицом – и носом – ему в шею. – На вид мой клиент совершенно обычный человек. Правда, очень умный.

– Вот как? – заинтересовался Эд. – А внешне он какой?

– Хорошо сложен, носит бородку. Примерно твоего роста. Очень темные карие глаза. Длинные тонкие пальцы плохо вяжутся с остальным обликом.

Муж кивнул. Я чувствовала, что он мысленно рисует моего клиента.

– Говорил о поэте военной поры Руперте Бруке, – добави-

ла я. – Намекал, что Брук как-то связан с его делом.

– Он служил в армии?

С незапамятных времен все мужчины в семье Эда оканчивали Королевскую военную академию в Сандхерсте и делали выдающуюся военную карьеру. На первом свидании он рассказал, как разочарованы были родители, когда он отказался следовать традиции. Художественный колледж? Он с ума сошел? Нормальная работа, вот что ему нужно! Графический дизайн в рекламной компании стал компромиссом, на который все пошли скрепя сердце. В их семье не бунтуют, а соблюдают приличия. Смешно, но в тот момент мне это даже понравилось. От этого веяло порядком и надежностью. Но старая обида так и не прошла, и на редких семейных мероприятиях, куда я его сопровождала, Эд чувствовал себя не в своей тарелке. Он не озвучивал это, но я и так все понимала.

– В армии? – переспросила я. – Вряд ли.

Эд сел, и между нами словно повеяло холодом. Не из-за того, что он лишил меня тепла своего тела, а из-за дистанции, возникающей, когда Эд находится на своей волне. До свадьбы я не понимала, как легко художник уходит из реальности в воображаемый мир. Родители отказались оплачивать художественный колледж, но оторвать Эда от любимого занятия в свободное время невозможно. Вот и сейчас в его руках уже появился альбом, и на листе проступают черты лица человека с фотографий, глядящих на нас с каминной полки.

На снимках его отец еще совсем молодой. Отец...

И вот сейчас я снова иду по тюремному двору и несу в портфеле ответ на загадку моего клиента, отбывающего пожизненный срок.

– Ваш отец служил в армии, – сказала я в комнате для свиданий, подвинув к нему папку.

Лицо Джо Томаса стало бесстрастным.

– И что?

– А то, что из армии его уволили и отправили отнюдь не в почетную отставку.

Я нарочно говорила резко. Мне хотелось расшевелить этого человека, выманить из панциря. Интуитивно я чувствовала: это единственный способ ему помочь. Если, конечно, я вообще хотела ему помогать.

– Согласно его заявлению, он защищался, когда на него напали с ножом в пабе. – Я посмотрела в досье, которое мы не один день собирали с одним смышленным стажером нашей фирмы. – Ваш отец оттолкнул нападавшего, тот разбил спиной стекло, порезался и едва не умер от потери крови. Это и есть связь между вашим случаем и делом вашего отца?

Глаза Джо Томаса, смотревшие на меня в упор, стали совсем черными. Я невольно огляделась.

– Здесь нет тревожной кнопки, – негромко сказал он.

Меня прошиб холодный пот. Он что, мне угрожает?

Джо Томас откинулся на стуле и разглядывал меня, слов-

но это не он, а я находилась в сложном положении.

– Мой отец понес наказание за то, что защищался. Его опозорили, над нашей семьей глумились. Отцу пришлось уволиться из армии. Меня травили в школе. Но я усвоил важный урок: самооборона – не оправдание, потому что в нее никто не верит.

Я некоторое время смотрела на сидящего передо мной человека, а потом вынула из папки фотографию тощей рыжей девицы – погибшей Сары Эванс, девушки Джо Томаса.

– Вы хотите сказать, что защищались от женщины, у которой, судя по ее виду, не хватало сил поднять кирпич?

– Не совсем. – Джо повернул голову к окну.

Мимо прошли два офицера, о чем-то увлеченно беседуя. Услышат ли они меня, если дело примет дурной оборот? Пожалуй, нет. Тогда почему я больше не боюсь?

Джо Томас тоже смотрел на офицеров охраны, и на его губах играла довольная улыбка. Я начала терять терпение.

– На каком конкретно основании вы хотите подавать апелляцию?

– Первый тест вы прошли. Теперь вам предстоит пройти второй, тогда и узнаете. – Он начал писать на клочке бумаги, который принес с собой: «101,2, 97–3...» Список рос.

Я никогда не ладила с цифрами – мне больше по душе слова. Рядом с некоторыми цифрами стояли буквы, но мне они ничего не говорили.

– Что это?

Джо Томас улыбнулся:

– Выясните.

– Послушайте, Джо, если вам нужна моя помощь, бросьте свои игры! – Я встала.

Он тоже встал. Наши лица оказались совсем близко. Слишком близко. Я снова ощутила его запах. Представила, каково это будет – еще немного податься вперед... Но на этот раз внутренне я была готова: мысленно размозжила фантазию о стекле окна, как неосторожного голубя, и представила, как полетели перья.

– Если вы хотите мне помочь, миссис Макдональд, вам нужно меня понять. Назовите это еще одной проверкой вашей пригодности для моего дела. Апелляция для меня – все. Я хочу убедиться, что нашел подходящего человека. До тех пор я для вас не Джо, а мистер Томас, понятно? – Он цепким взглядом окинул меня с головы до ног: – Какая вы высокая.

Меня словно огнем обожгло.

Джо Томас решительно направился к двери.

– Увидимся, когда вы найдете ответ.

А он не просто фамильярен, сказала я себе, расписываясь на выходе. Ведет себя, словно он тут главный, а не я. Но тогда почему вместе с раздражением во мне растет интерес?

– Все в порядке? – спросил меня бритый офицер, когда я расписывалась в журнале.

– Да, – сказала я. Что-то подсказывало мне не открываться с ним.

– Странный он, правда?

– В каком смысле?

– Ну, надменный. Ведет себя так, будто кругом пигмеи. И хладнокровный. Но пока он не доставлял нам проблем в отличие от других. – Охранник неприятно, со злорадством улыбнулся.

– Это вы о чем?

– Как, разве вы не слышали? На днях один из заключенных набросился на своего адвоката. Память не помял, но напугал порядочно. – Его лицо стало жестким: – А чего вы ожидаете, когда беретесь защищать насильников и убийц?

– Кем вы работаете, мэм? – спросил присевший рядом гость («Не возражаете?..»).

Я сижу на краешке нежно-зеленого дивана в квартире Давины в Челси. В комнате ярко-розовые стены и приглушенный свет. Гремит музыка. У меня урчит в животе. «Не возись с готовкой, в гостях поедим», – заявил Эд, но все угощение состояло из волованов с грибами и вина. Вина было много. Новый собеседник кажется приятным и легким в общении, но разговаривать сейчас мне хочется меньше всего.

– Я юрист, – коротко отвечаю я.

Он с уважением кивает, как многие, когда я называю свою профессию. Иногда это льстит, но чаще кивок кажется почти оскорбительным, будто люди считают, что женщина неспособна справиться с такой работой.

Четыре часа назад я была в тюрьме. Сейчас я среди людей,

которые громко разговаривают и напиваются вином. Некоторые даже танцуют. Такой контраст кажется мне странным.

– А вы? – спрашиваю я, хотя меня не интересует ответ. Что меня интересует, так это куда делся Эд. Я не хотела сюда идти. Я вообще не знала о вечеринке у Давины, пока не приехала домой и не застала мужа у дверей в новой кремовой рубашке без воротника. От Эда сильно пахло хвойным лосьоном после бритья.

– Пойдем веселиться!

Я даже растрогалась: последние две недели выдались нелегкими, а мой молодой супруг решил меня развлечь!

– Звонила Давина. Она собирает старых друзей и хочет, чтобы и мы пришли. – Он оглядел мой темно-синий деловой костюм: – Лучше переоденься.

И вот мы здесь. Я в голубом с узором платье от «Маркс и Спенсер», Давина в узкой ярко-красной юбке. Муж засмотрелся на ее наряд – моему он столько внимания не уделил, – когда Давина встречала нас в прихожей. Это было больше часа назад. Где она? И где Эд?

– Я актуарий, – отвлек меня от мыслей голос моего собеседника.

– Кто, простите?

Последовала натянутая улыбка.

– Не извиняйтесь. Мало кто знает, что это такое. Я прощитаю, сколько, согласно статистике, проживут люди, какой процент из них с высокой вероятностью подавится и

умрет или заболит лейкемией, не дожив до шестидесяти лет. Да, веселая работенка, но это важно при оформлении страховок... – Он протянул мне руку. – Зовите меня Росс. Приятно познакомиться. Я знаю вашего супруга. Более того, мы...

Вон они! Я буквально сорвалась с дивана и подошла к Эду. Лицо у него покраснелось, и от него пахло вином.

– Где ты был?

– Что ты имеешь в виду? – дерзко спросил он. – Выходил воздухом подышать!

– Не предупредив меня?

– Мне что, каждый раз тебе докладывать?

От слез у меня защипало глаза.

– Почему ты так себя ведешь?

На меня смотрел совсем другой Эд, не похожий на того, с которым я лежала в обнимку на диване.

– А ты почему так себя ведешь? – передразнил он.

Потому что я нигде не вижу Давины, чуть не сказала я, но это было бы глупо.

– Потому что я не видела и Давины, – услышала я свой голос.

Лицо Эда стало жестким.

– И ты решила, что мы с ней уединились?

Сердце у меня на мгновение остановилось.

– Нет, я не имела в виду...

– Понятно. Все, хватит. – Он схватил меня за руку выше

ЛОКТЯ.

– Подожди, что ты де...

– Мы уходим. – Эд потащил меня к двери.

– Но мне нужно взять пальто, – возразила я.

На нас смотрели все, и в том числе Давина, которая вошла в комнату под руку с пожилым человеком, которого я еще не видела.

– Уже уходите? – промурлыкала она шелково-гладким голосом. – Какая досада, а я хотела познакомить вас с Гасом... – Она с обожанием посмотрела на своего спутника. – Простите, я сегодня плохая хозяйка, но мы с Гасом... были заняты.

Рука Эда судорожно вцепилась в мой локоть, но он тут же убрал ее и отступил.

– У Лили разболелась голова.

Ничего подобного, чуть не сказала я, но услышала свой голос, благодаривший Давину за прекрасный вечер, и даже испугалась: как легко, оказывается, лгать.

– Теперь вы непременно должны прийти в гости к нам, – прибавила я.

Глаза Давины заблестели от удовольствия.

– Мы с огромным удовольствием, правда, Гас?

Она подошла к моему мужу и прижалась щекой к его груди. Простой и естественный жест, призванный напомнить, что раньше они встречались. Давина улыбнулась, словно говоря: видишь, он был моим задолго до тебя.

Я в ужасе ждала, что Эд отойдет, но он стоял неподвижно, словно просчитывая варианты. Я хотела что-нибудь сказать, но страшилась последствий. К счастью, Гас прервал наступившее в комнате неловкое молчание, нарушаемое лишь гремевшей музыкой:

– По-моему, не стоит задерживать молодых супругов, Давина. Как ты считаешь?

Эд молчал всю дорогу до дома. Разговор вела я.

– Я не знаю, почему ты так себя ведешь, – говорила я, быстро шагая, чтобы успеть за мужем. – Я только спросила, где ты был. Я волновалась, я там никого не знаю...

Чем больше я говорила, тем глупее казались мне собственные страхи.

– Ты ревнуешь к ней.

Ну, хоть губы разжал.

– Ничего подобного.

– Ревнуешь, ревнуешь. – Эд со щелчком отпер нашу дверь.

– Хорошо. Ревную! – Я не могла себя сдержать. – Ты ходил за ней как щенок, едва мы перешагнули порог этой ее миленькой квартирки. Ты с нее глаз не сводил, а потом пропал на два часа...

– Чтобы глотнуть воздуха!!!

Я отступила, шокированная. При всех перепадах настроения Эд еще никогда на меня не кричал.

– Ты же слышала, – заговорил он тише, но в его голосе еще

угадывался гнев. – У нее бойфренд. А мы с тобой женаты. Тебе этого достаточно?

– Но достаточно ли этого тебе? – прошептала я.

Между нами повисло напряженное молчание. Ни один из нас не отважился заговорить.

Я наконец позволила себе вспомнить о медовом месяце и о том, что там получилось. Вернее, чего не получилось. Вспомнилась мне и ночь после неожиданного предложения руки и сердца на втором свидании в маленьком ресторане в Сохо, и неуклюжие объятия на кровати в моей тесной квартирке, снимаемой вместе с подругой, и моя невнятная просьба: если он не возражает, я бы «подождала» до свадьбы.

Глаза Эда недоверчиво округлились:

– Ты что, никогда этим не занималась?

Я ждала, что он заявит: это просто нелепо, в наше время не бывает девственниц двадцати пяти лет от роду. Я приготовилась вернуть ему кольцо и признать, что все случившееся мне приснилось, но Эд вдруг привлек меня к себе, глядя по волосам.

– Мне кажется, это очень мило, – пробормотал он. – Только подумай, какой прекрасный медовый месяц у нас будет!

Прекрасный? Полная катастрофа! Как я и опасалась, мое тело отказывалось сотрудничать сонной.

– Что-то не так? – спрашивал Эд.

Но я не могла, никак не могла ему сказать, хотя и видела: он считает, что это его вина. Неудивительно, что муж от меня

отвернулся.

В Италии наши отношения настолько накалились, что в последнюю ночь я принудила себя пройти через это.

– Дальше будет легче, – тихо сказал мне потом Эд.

И вот сейчас я решила: пора ему узнать. Я не хочу потерять этого человека. Смешно, но мне очень нравится, когда он обнимает меня и прижимает к себе. Я люблю говорить с ним, быть с ним рядом, но понимаю, что ему этого недостаточно и долго он терпеть не будет. Неудивительно, что его потянуло к Давине. Мне некого винить, кроме самой себя.

– Эд, я кое-что должна тебе... – Я замолчала, услышав шорох.

Под дверь подсунули записку. Эд нагнулся и молча протянул ее мне.

ЭТО ФРАНЧЕСКА ИЗ СЕДЬМОЙ КВАРТИРЫ. МНЕ НАДО РАБОТАТЬ В ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПРОСТИТЕ, ЧТО ОБРАЩАЮСЬ. ПОЖАЛУЙСТА, НЕ МОГЛИ БЫ ВЫ ПРИГЛЯДЕТЬ ЗА МОЕЙ МАЛЮТКОЙ? ОНА НЕ ДОСТАВИТ ХЛОПОТ.

Эд пожал плечами.

– Как хочешь. В конце концов, я буду рисовать. – Он повернулся, чтобы идти в ванную, но остановился: – Прости, ты что-то говорила?

– Нет, ничего.

Меня охватило невероятное облегчение. Я отвлеклась как нельзя вовремя, и момент прошел. Можно только порадоваться – если бы я призналась, потеряла бы Эда навсегда. А этого я допустить не могу.

Глава 8. Карла

Мама была счастлива, заметила Карла, у которой тоже отлегло от сердца. Они пели дуэтом, идя к автобусной остановке. Вчера вечером мама и дядя с блестящей машиной танцевали так энергично, что пол дрожал, но Карла была умницей и не выходила из своей комнаты, чтобы попросить их вести себя потише, хотя и не могла заснуть. Она свернулась под одеялом, прижимая к себе гусеницу Чарли.

А теперь Карла семеняла за мамой, то и дело подпрыгивая. Всем известно, как важно не наступать на приносящие несчастье трещины в асфальте. Надо же позаботиться, чтобы не случилось ничего плохого после всего хорошего.

– Нам очень жаль, что ты пострадала от хулиганской выходки, – сказала одна учительница (единственная хорошая), когда весь класс ушел играть. – Мальчик, который тебя ударил, задирает и других тоже. Этого больше не произойдет.

Кевина в классе не было. Значит, можно спокойно приносить Чарли в школу! Теплое чувство благодарности окутало Карлу невесомым мягким пледом. *Grazie, grazie!*⁹ Она будет как все остальные ученики.

Правда, не совсем. Когда они с мамой вошли и сели, Карла стала рассматривать себя в зеркале автобуса. Она всегда будет отличаться – из-за смуглой кожи, черных волос и гу-

⁹ Спасибо, спасибо! (*um.*)

стых бровей, самых широких в классе. Волосатая Карла Каволетти...

– Карла, – строго сказала мама, прервав ее мысли. – Не скачи на сиденье. От этого автобус быстрее не поедет.

А Карла просто высматривала Лили. Вскоре после лечения подбитого глаза Карла узнала, что мамин начальник велел ей работать в воскресенье.

– Что же мне делать? – Глаза у мамы были совсем круглые от отчаяния. – Мне не с кем тебя оставить, *cara mia*. – Ее взгляд упал на фотографию сгорбленной женщины в шали с лицом, покрытым множеством волнистых морщин, точно вырезанных в камне. – Ох, если бы твоя *nonna* была здесь! Она бы помогла...

– А леди, которая возила меня в больницу, помнишь, из третьей квартиры? Она же сказала, что поможет в любое время, – не растерялась Карла. И тут же вспомнила о Чарли. Что, если Лили с золотыми волосами скажет маме, что вовсе не дарила ей гусеницу Чарли?

Поздно: мама уже написала записку и подсунула Лили под дверь. Вечером в субботу Карла ворочалась на своей узенькой кровати с простым распятием на стене, сделанным из дерева со Святой земли. Бедный Чарли тоже боялся.

– Я не хочу тебя покидать, – говорил он.

Проснувшись утром, Карла увидела над собой сияющие мамины глаза.

– Эта милая леди и ее муж возьмут тебя на денек. Ты

должна хорошо себя вести.

Ура!

Сердце Чарли колотилось, пока они шли по коридору. Сердце Карлы тоже.

Пожалуйста, пусть никто ничего не узнает!

– Я постараюсь прийти побыстрее, – говорила мама, обращаясь к Лили. – Вы так добры! Спасибо за подарок, который вы ей купили!

Наступила тишина – такая громкая, что ее слышали все. Карла медленно подняла глаза и встретилась с Лили взглядом. Соседка была в брюках, в которых ее бедра казались очень широкими, и даже губы не накрасила. Карла инстинктивно поняла, что она не та женщина, которая станет лгать.

– Подарок? – медленно повторила Лили.

– Гусеницу-пенал, – сказала Карла дрожащим голосом, глядя Лили в глаза и скрестив за спиной пальцы. – Вы купили его мне после больницы, чтобы я успокоилась, помните?

Снова молчание. Пальцы Карлы свело от попытки сжать их крепче. Наконец Лили кивнула:

– Ах да, конечно. Ну, проходи. Мы с тобой затеем пирог. Ты любишь печь пироги?

Мама вздохнула с облегчением, и они с Карлой наперебой затараторили:

– Она обожает готовить!

– Люблю, люблю!

И занятий сегодня нет, сказала себе Карла, вприпрыжку

вбегая в квартиру Лили. Какой исключительный день! Они с Лили рассыпали по полу муку, пока взвешивали ингредиенты для теста, но ее новая подруга не рассердилась, как сделала бы мама. Ей не нужно было «немного отдохнуть» с мужем, высоким дядей Эдом, который сидел в углу и что-то черкал в альбоме. Сперва Карла перед ним робела – Эд ходил на киноактера из журналов, которые Ларри приносил маме. Волосы у него были как у Роберта Редфорда, одного из любимых маминых героев.

Карла всполошилась, когда Эд неприятным, скучным голосом спросил у Лили, куда она опять переложила его краски, – такой голос бывал у Ларри, когда он заглядывал к Карле и видел, что она еще не спит. Но затем Эд спросил, можно ли нарисовать Карлу, и лицо у него было другое. Намного счастливее.

– У тебя такие чудесные волосы, – говорил он, быстро взглядывая то на Карлу, то в лежавший перед ним альбом.

– Мама мне их каждый вечер расчесывает по сто раз!
Cento!

– Ченто? – неуверенно повторил Эд, словно пробуя незнакомую пищу. Карла засмеялась над его акцентом.

Никто не возражал, когда Лили предложила перекусить, хотя Карла и сказала, что не ест курятину, потому что в детстве у мамы в Италии была любимая курочка, а дедушка свернул ей шею, чтобы отпраздновать мамин день рождения.

Карла учила Лили и Эда делать настоящую пасту вместо

твердых палочек, которые хранились у них в кухонном шкафу. Это заняло немало времени, но как они смеялись, когда Карла показывала, как тянуть макароны с помощью вешалки для одежды, подвешенной над плитой!

– Стой! – велел Эд, приподняв руку. – Я нарисую вас вот так. А ну, Карла, возьми снова Лили под руку!

– Чарли тоже должен быть на картине!.. – Карла сразу же пожалела о вырвавшихся словах.

Лицо Лили окаменело, как по мановению волшебной палочки.

– Карла, откуда у тебя на самом деле эта игрушка?

– Он не игрушка. – Карла обняла Чарли, словно защищая. – Он настоящий.

– Но как он к тебе попал?

– Это секрет.

– Нехороший секрет?

Карла подумала об одноклассниках, у которых есть папы и не надо надеяться на дядь в шляпах и с блестящими машинами. Разве это не дает ей права взять то, что есть у них? Она медленно покачала головой.

– Ты его украла?

Что-то подсказывало Карле, что возражать бессмысленно. Она кивнула.

– Почему?

– У всех такие есть. Не хочу быть не такой, как все.

– А... – Лицо Лили разгладилось. – Понимаю.

Карла схватила ее за руку:

– Пожалуйста, не рассказывайте!

Возникла пауза. Эд ничего не замечал, увлеченно поглядывая на них и снова на бумагу.

Отрывистое дыхание Лили было таким громким, что кожу на руках у Карлы покалывало невидимыми иголочками.

– Хорошо. Но больше никогда ничего не кради, обещаешь?

Воздушный шарик надежды появился на поверхности серой вязкой субстанции в груди Карлы.

– Обещаю! – Она подняла Чарли повыше, чтобы Эду было лучше видно. – Чарли говорит вам: «Спасибо».

Когда мама постучала в дверь, Карле не хотелось уходить.

– Можно я еще побуду у вас? – жалостливо попросила она.

Но Эд улыбнулся и обнял Лили за талию. Видимо, им тоже хочется потанцевать вдвоем.

– Держи, – сказал он, сунув ей лист из альбома. – Можешь взять себе.

Мама Карлы так и ахнула:

– Какое сходство! Как верно схвачено! У вас настоящий талант!

Эд сунул руки в карманы, и вид у него стал, как у Ларри, когда мама благодарила его за духи, или за цветы, или за другие подарки, которые он привозил по вечерам.

– Это всего лишь набросок углем. Не трогайте, а то смажется.

Карла и не посмела бы трогать. Она только смотрела во все глаза. Неужели она такая? Но это изображение ребенка, а не взрослой девушки, которой ей хотелось быть. И Чарли на рисунок не попал:

– Что надо сказать? – с нажимом сказала мама.

– Спасибо. – И, вспомнив книгу об английских королях и королевах, которую они читали в школе, Карла присела в глубоком реверансе: – Спасибо, что пригласили в гости!

К ее удивлению, Эд расхохотался:

– Она у вас прелесть! Заходи в любое время, Карла. В следующий раз я напишу настоящую картину. – Прищурившись, он смотрел на девочку, что-то прикидывая. – Пожалуйста, акриловыми красками.

Сейчас они с мамой сидели в автобусе, направлявшемся к школе, и ждали Лили.

«Может, она не придет, – сказал Чарли, лежавший у Карлы на коленях. – Может, она сердится, что ты меня украла».

Карла напряглась:

– Никогда больше так не говори. Я заслуживаю тебя, а ты меня. Или ты хотел остаться у того хулигана?

Чарли покачал головой.

– Ну и все, – прошептала Карла едва слышно. – И давай больше не будем об этом.

– Держись. – Мать придержала Карлу на сиденье, потому что автобус дернулся вперед. – Вроде поехали.

Усевшись поглубже, Карла смотрела, как за окном проплывают деревья, чьи желтые и зеленые наряды, порхая, опали на асфальт. И тут она увидела Лили! Лили бежала по улице – быстро-быстро, как Карла в своих ночных кошмарах, хотя во сне ее ноги будто прилипали к земле.

– Давайте к нам! – позвала Карла. – Садитесь рядом со мной!

Но автобус уже набрал скорость. На другой стороне улицы Карла увидела Эда. Ему на работу в другую сторону, сказал он вчера. Карла забарабанила по стеклу и замахала. Да! Эд махнул в ответ. И хотя Карла огорчилась, что Лили не успела на автобус, на душе у нее все равно стало теплее: теперь у нее есть друзья. Настоящие друзья. Это еще один шаг к тому, чтобы стать такой, как все.

– Мама, по-моему, ты ошибалась, – сказала она.

Мать, внимательно рассматривавшая лицо в маленькое зеркальце, которое всегда носила в сумочке, покосилась на дочь.

– В чем я ошиблась, Карла?

– Ты говорила, что женщины, которые за собой не следят, не найдут красивых мужей. И еще ты говорила, что Лили толстая. Но ведь Эд похож на кинозвезду!

У матери вырвался мелодичный смех. Сидевший через проход мужчина посмотрел на нее с восхищением.

– Ах ты, моя птичка! Это все верно. – Мать ласково потрепала Карлу по щеке. – Красивые мужья бывают и у таких,

как Лили, но им нужно быть осмотрительнее, иначе они ведь могут их потерять.

Как это потерять, недоумевала Карла, готовясь к выходу, на улице обронить, что ли? Или в автобусе, как она розовую заколку на той неделе? Лили крупная, но зато она добрая. Она сохранила секрет о Чарли и разрешила печь пирог. Этого же достаточно, чтобы удержать Эда? Карле не хотелось, чтобы Лили пришлось искать себе другого мужа.

Она хотела спросить у мамы, но та уже торопилась и повторила на прощание, что Карла должна делать после уроков.

– Дождись меня, дорогая, слышишь? Жди у ворот, даже если я задержусь.

Радостно кивнув, Карла спрыгнула с подножки автобуса, помахала маме, перебежала через спортивную площадку и пошла в класс. Несмотря на происшествие с мячом на прошлой неделе, она с огорчением увидела, что одноклассники по-прежнему не очень дружелюбны. Но теперь, когда у нее есть Чарли, отношение скоро изменится. В этом Карла не сомневалась.

На перемене она бережно завернула Чарли в джемпер, чтобы он не замерз, и оставила в своем шкафчике. Выйдя на площадку, Карла обратилась к девочкам, игравшим в классики:

– Можно с вами?

Никто не отозвался, будто не слышали.

Она подошла к одноклассникам, бросавшим о стенку теннисный мяч:

– Можно мне тоже поиграть?

Все отвернулись.

У Карлы в животе образовалась пустота, хотя она хорошо позавтракала.

Она медленно побрела в класс. Там никого не было, даже помощницы учительницы, которая отвела ее домой, когда Кевин подбил ей глаз. Карла слышала, как одна учительница сказала другой, что помощницу «отпустили». Что это может значить?

Карла радостно подошла к шкафчику и начала разворачивать джемпер. Чарли поймет, как ей обидно, что другие дети не хотят с ней разговаривать. С Чарли ей будет веселее...

Нет. Не-е-ет!!!

Зеленый пушистый Чарли был мертв – криво распорот от головы до хвоста. А сверху лежала записка с красными печатными буквами:

ВАРОВКА

Глава 9. Лили

Нужно бежать быстрее, иначе я опоздаю на автобус. Будь я стройнее, бежать было бы легче. Груды подпрыгивали. Те самые груди, которые ласкал Эд, когда ночью неожиданно залез на меня. Однако потом, когда он открыл глаза, в них отразилось удивление при виде того, кто лежит снизу.

Я.

Я тоже удивилась. В полусне я представляла себе кого-то другого. Мягкие руки на моих грудях. Его рот, терзающий мой. Его твердость, проникающая в мою мягкость...

– Мне надо умыться, – пробурчала я и поплелась в маленькую ванную, чтобы вытереть глаза. Когда я вернулась, Эд крепко спал.

Откуда это берется? Почему я представляю с собой в постели Джо, человека, к которому чувствую неприязнь?

А о ком думал Эд? Нетрудно догадаться. Может, на вечеринке дело не зашло дальше фамиллярностей, но я все чувствую. Так же как чувствую Джо. Если я чему-то и научилась за свою жизнь, так это слушать свою интуицию.

Пока эти мысли тяжело ворочались в голове, Эд спал. Во сне он выглядел удивительно мирно: слегка похрапывал, а на подбородке – легкая поросль тонких светлых волосков... Тихо, чтобы не разбудить его, я встала с кровати, на цыпочках прошла в кухню и достала швабру.

Я так увлеклась, что не слышала, как он вошел, пока за спиной не раздался голос:

– Зачем ты утром моешь пол? – Говоря, он завязывал галстук, в который впиталась капелька крови из пореза на щеке. Эд этого вроде бы не заметил.

Я подняла голову, не вставая с коленей:

– Потому что он грязный.

– А ты на работу не опоздаешь?

Ну и что? Я хочу, чтобы линолеум блестел. Если я не могу наладить свой брак, надо довести до совершенства хотя бы кухонный пол.

Поэтому сейчас я бегу. Если бы я не сходила с ума с этой уборкой, я бы не вышла из дома на четверть часа позже обычного и не провожала бы теперь автобус глазами и не обливалась бы холодным потом, представляя, как буду оправдываться перед начальником.

Когда я, задыхаясь, остановилась, то увидела Карлу, прижавшуюся носом к стеклу: девочка изо всех сил мне махала.

– Давай! – кричала она одними губами. И добавила что-то еще.

«Толстуха?» Нет, наверняка нет. Карла ласковый ребенок. Однако я замечала, что Франческа поглядывает на меня с жалостью, а дочь копирует все, что делает мать. Да и не в первый раз меня называют толстой.

Сидя в ожидании следующего автобуса, я думала о Карле и ее зеленой гусенице.

– Ты ее украла? – спросила я вчера. – Почему?

Девочка скромно, но с достоинством повернула голову – неестественно взрослый жест, показавшийся мне отретпетированным, – и ответила:

– У всех такие есть. Не хочу быть не такой, как все.

«Не хочу быть не таким, как все», – именно эти слова говорил Дэниэл. Моя интуиция меня не обманула. Я должна помочь этому ребенку.

Шеф ждал меня в своем кабинете. Он лет на тридцать старше меня. Его жена бросила работу сразу после свадьбы, и у меня такое ощущение, что он относится ко мне неодобрительно.

Вскоре после того, как я пришла сюда работать, я неосторожно сказала одному из коллег, что занялась юриспруденцией из желания «творить добро». Начальник случайно это услышал.

– Творить добро? – фыркнул он. – Могу вам сразу сказать: вы ошиблись с профессией.

Я покраснела (увы, не прелестно) и старалась после этого не высовываться. Но временами, особенно когда начальство на меня покрикивало, мне хотелось рассказать о Дэниэле.

Ничего я, конечно, не расскажу. Даже Эд не понял бы, расскажи я ему все как было, с начала до конца, а посвящать в это шефа было бы полным безумием. Сейчас он сидит напротив, между нами на столе гора бумаг, а на его губах ле-

дяная улыбка.

– Ну, так как продвигаются дела с Джо Томасом?

Я скрестила ноги, потом снова поставила их рядом. Я чувствую на себе отпечаток рук Эда, оставшийся с прошлой ночи. Он до сих пор на мне, вытравленный на моем теле, как удивление на его лице.

– Клиент продолжает играть со мной в свои игры.

Шеф засмеялся. Недружелюбно.

– В этой тюрьме отбывает срок немало психопатов, Лили. Чего вы ожидали?

– Я ожидала лучшего инструктажа, – вырвалось у меня. Страх придал мне смелости – справедливо или без оснований – постоять за себя. – Я имею в виду, что у меня недостаточно информации, – продолжала я, пытаюсь исправить ситуацию. – Почему он задумал подать апелляцию, отсидев два года? Почему не желает поговорить со мной по-человечески, вместо того чтобы загадывать загадки? – Я вынула листок, который дал мне Джо, – с непонятными цифрами и буквами. – Вы не догадываетесь, что это может означать? – спросила я примирительным тоном. – Это мне передал клиент.

Начальство едва взглянуло на мятый листок.

– Понятия не имею. Дело поручено вам, Лили. Может, это новые улики, о которых он только что узнал, – это объяснило бы задержку с апелляцией. – Глаза начальника сузились. – Я бросил вас на новое дело без подготовки, как когда-то поступили со мной самим. Это ваш шанс показать, на что вы

способны. Не подведите ни меня, ни себя.

Остаток недели я работала на пределе сил, но других заданий с меня никто не снимал, и дела, как мне казалось, копились со зловещей быстротой. Начальник явно устроил мне проверку. Эд от него не отставал со своими «семью пятницами на неделе».

– Никак не слажу с одним клиентом, – начала я за ужином (недожаренный стейк и пирог с почками, мало похожий на фотографию в потрепанной кулинарной книге Фанни Крэдок, которую мне торжественно вручила мать Эда). Муж жевал медленно и тщательно – то, что получается у меня на кухне, можно смело назвать испытанием. Давина – та училась в кулинарной школе в Швейцарии... – Это тот самый, к которому... Эд, что с тобой?

Я вскочила из-за стола. Эд задыхался, хватая воздух ртом. Лицо его побагровело. Он чем-то подавился.

Ужас заставил меня действовать быстро. Рука сама с размаху ударила Эда по спине, и кусок мяса пролетел через всю комнату, Эд закашлялся и потянулся за стаканом с водой.

– Прости, – сказала я. – Видимо, недожарилось.

– Нет-нет. – Муж еще силился откашляться, но потянулся к моей руке: – Спасибо, ты меня спасла.

На минуту между нами возникла некая связь, но вскоре она развеялась. Ни Эду, ни мне есть больше не хотелось. Я выбросила признанное виновным мясо в ведро, запозда-

ло сообразив, что начинку для пирога надо было потушить, прежде чем накрывать верхним слоем теста. Вместе с тем мне вдруг подумалось: как легко было бы позволить Эду задохнуться, а потом сделать вид, что это был несчастный случай!

Я сама поразилась такой мысли. Не скрою, я была шокирована собой. Откуда у меня взялись подобные мысли? И тут меня осенило.

Росс. Актуарий, с которым я познакомилась на той злополучной вечеринке, когда Эд и Давина исчезли неизвестно куда. Росс говорил со мной как раз на эту тему.

– Я провожу статистические расчеты продолжительности жизни – какой процент людей с высокой вероятностью пойдутся и задохнутся или заболеют лейкемией, не дожив до шестидесяти лет. Веселенькая тема, согласен, но это, видите ли, важно при страховании жизни.

Я узнала у Эда телефон Росса. Оказалось, Росс завтра свободен. И он пригласил меня пообедать в его клубе.

– Вот эти цифры, – сказала я, передавая ему листок над белоснежной накрахмаленной скатертью (рядом хлопотал официант), – написал один мой клиент. Он... ну, в общем, сидит за убийство.

Росс удивленно посмотрел на меня:

– Вы считаете, он невиновен?

– Вы бы удивились, узнав его лично.

– Вот как?

Мы молчали, пока официант наливал нам вино. Один бокал, напомнила я себе. Сейчас я стала пить больше, чем раньше, а это плохо сказывается и на внимании, и на усвоении калорий. Но Эд любит выпить вечером пару бокалов, и мне кажется неправильным не поддержать компанию.

– Мне нужно знать, что могут означать эти цифры, – сказала я почти безнадежно. – Джо – хороший математик.

– Джо? – Брови Росса поползли вверх.

– Мы часто называем клиентов по имени, – поспешила я объяснить, вспомнив, что Джо велел называть себя мистером Томасом, пока я не разгадаю головоломку. – У него какое-то психическое отклонение, он очень методичен в некоторых областях, однако ему трудно разговаривать с людьми. Он предпочитает общаться ребусами, и это... один из них.

В глазах Росса появился огонек любопытства.

– Я посмотрю, – сказал он так ободряюще, что мне захотелось его обнять. – Дайте мне несколько дней. Я вам позвоню.

И он позвонил.

– Это показания температуры воды у разных моделей бойлеров с указанием даты выпуска, – торжествуя, объяснил он мне при встрече. – Если я не ошибаюсь, импликации весьма обширны. Я показал цифры приятелю-инженеру – не беспокойтесь, я ему ничего не рассказал, – так вот он говорит, что здесь угадывается определенная схема. Повинуясь инту-

иции, я покопался в нашем архиве... – Он подал мне газетную вырезку. Августовская «Таймс». В те дни я как раз готовилась к свадьбе и из-за хлопот, боюсь, не уделяла газетам должного внимания.

СКАНДАЛ ИЗ-ЗА НЕИСПРАВНЫХ БОЙЛЕРОВ

Я прочитала статью с живейшим интересом.

– Стало быть, – начала я, – у некоторых бойлеров, выпущенных за последние десять лет, выявились производственные дефекты. На сегодняшний день подано семь исков, в том числе в связи с тем, что бойлер не держит заданную температуру, в результате чего потребители получили ожоги. Начато расследование, но из точек продаж бойлеры данных моделей пока не отозваны.

Росс кивнул:

– Исков пока семь, но наверняка будут еще.

– Но это тянется уже десять лет, почему никто не спохватился раньше?

– Порой, чтобы уловить закономерность, требуется время.

Ну еще бы. Юристы тоже люди и тоже не сразу все замечают. Однако я не могу себе позволить быть одной из них.

– Я выяснила, что это за цифры, – сказала я, входя на следующий день в комнату для посетителей.

Смешно, но я начинаю привыкать. Двойные двери и замки

уже перестают меня удивлять, как и делано непринужденная поза моего клиента, развалившегося на стуле со скрещенными на груди руками, и взглядом, не оставляющим меня. Ему тридцать лет, ровесник Эда – муж отпраздновал день рождения месяц назад, однако у меня ощущение, что я общаюсь с подростком. Одно я знаю точно: я больше не позволю себе нелепых фантазий.

– Выяснили, что это за цифры? – повторил он слегка раздраженно. – Неужели?

– Я прочла о бойлерах и о поданных исках. Вы намекаете, что в смерти Сары виноват производитель бойлеров? Вы уже говорили, что вода была горячее, чем можно было ожидать спустя тридцать минут. Неисправность бойлера – вот ваша линия защиты. Скорее даже, самообороны.

Джо Томас вопросительно наклонил голову, словно обдумывая мои слова.

– Я вам уже говорил, самооборона – самая бесполезная вещь на свете.

– Отчего же, с правильным-то адвокатом, – парировала я.

– Поздравляю. – Разочарование сменилось улыбкой всего за несколько мгновений. Джо протянул мне руку.

Я и бровью не повела. Я была рассержена и удивлена.

– Почему же вы с самого начала не передали мне эти цифры? Это сэкономило бы массу времени.

– Я вам уже сказал почему. Я подбросил вам зацепку, чтобы проверить, достаточно ли вы умны, чтобы взяться за мое

дело. Мне нужен кто-то моего уровня. Кто-то толковый.

«Спасибо, Росс, – подумала я. – Спасибо».

Джо снова откинулся на спинку стула, хлопнул себя по бедрам и громко рассмеялся:

– Надо же, а ведь вы справились, Лили! Отличная работа.

Я вас нанимаю.

Нанимает? Я, вообще-то, думала, что уже с ним работаю.

– Вы до сих пор не рассказали, как все случилось, – холодно сказала я, вспомнив, что клиента надо держать на расстоянии. – Предупреждаю, больше тратить время попусту не стану. Если хотите, чтобы я взялась за вашу апелляцию, мне нужно знать все. Никаких фокусов и ребусов, только факты. Почему, например, ужин готовили вы? Почему вы наливали Саре ванну? – Я перевела дыхание. – Права ли была Сара, жалуясь родным, что вы пытались контролировать каждый ее шаг?

Лицо Джо Томаса окаменело.

– Зачем вам это знать?

– Потому что это может нам помочь.

Некоторое время мой клиент молчал. Я тоже не нарушала повисшую напряженную тишину. Она так накалилась, что о нее можно было обжечься.

Джо Томас явно тоже это чувствовал. Он отвернулся к окну. Во внутреннем дворе не было ни души, хотя стоял прекрасный прохладный осенний день. Видимо, заключенные работали: в этой тюрьме у всех имелись задания. Я видела

в холле список – рядом с каждым занятием мелом была написана фамилия:

Смит – хлеборез (на тюремном жаргоне это означает работу на кухне).

Уайт – туалеты.

Эссекс – аквариум.

Томас – библиотека. (Почему меня это не удивляет?)

Напротив каждой фамилии – слово «Обучение». Интересно, что изучают в тюрьме? Если верить статистике грамотности, то заключенные учатся читать и писать (позже я узнала, что многие из них проходили дистанционное обучение в Открытом университете).

– Ванна, Джо, – повторила я. – Почему ванну Саре обычно наливали вы?

Мой клиент ответил еле слышно – я едва разобрала слова:

– Потому что я всегда наливал сначала холодную воду, чтобы она не ошпарилась. – Удар кулаком по столу заставил меня вздрогнуть. – Глупая девка! Надо было меня слушаться!

– Прекрасно. Ванна оказалась слишком горячей, но это не суть: следствием доказано, что вы насильно столкнули Сару в воду.

Лицо Джо Томаса стало жестким.

– Не доказано, а всего лишь убедительно аргументирова-

но. Я вам уже говорил, я ее пальцем не трогал. Должно быть, она поскользнулась и упала в ванну. Синяки могли появиться и от этого.

– Но она бы пулей выскочила из крутого кипятка.

– Она... была... слишком... пьяна. – Джо Томас произнес это медленно, с паузами, словно вбивая мне в голову каждое слово. – Если бы она позволила набрать ей ванну, такого бы не случилось, – повторил он.

Вот заиклился-то. Но именно эта заикленность отчего-то заставляла ему верить. Во всяком случае, в этот момент.

– И не думайте, что я не чувствую своей вины. Еще как чувствую.

Кожу у меня словно закололо невидимыми иголочками.

– Я не должен был надолго оставлять ее одну. Надо было сходить проверить раньше. Я всегда был к ней внимателен, но в тот раз...

У Джо Томаса явно помешательство на контроле, но это делает его убийцей не больше, чем каждого из нас. Разве я не сделала обычаем мыть пол по утрам до работы? Дэниэлу обязательно было нужно подворачивать простыни по углам, и все тут. Мой шеф вешает пальто строго определенным образом – на дверь своего кабинета. Джо Томас всегда кладет свой листок точно в центре стола (он объяснил, что завел бы нормальный блокнот, но в тюрьме плохо с канцтоварами).

– Вы требуете, чтобы все было по-вашему, – тихо сказала

я, – потому что тогда не случится ничего плохого.

– И что? – Он с вызовом посмотрел на меня.

– Ничего, все нормально. Я понимаю.

Джо Томас сверлил меня взглядом, словно добиваясь, чтобы я отвела глаза. Если я это сделаю, он решит, что я произнесла последнюю фразу неискренне, лишь бы втереться к нему в доверие. Но что-то все равно не давало мне покоя.

– Почему вы потом не выяснили, исправен бойлер или нет?

– Да меня вообще-то арестовали.

Ну что я за дура...

– А жильцы, которые въехали после вас? Они не поняли, что вода просто кипяток?

Джо Томас пожал плечами:

– Они заново отделали ванную и наверняка сменили бойлер. Вы бы тоже сделали полный ремонт, если бы в вашей квартире кто-то погиб.

– Когда же вы догадались, что у бойлера мог быть производственный дефект?

– Несколько недель назад мне по почте прислали эти цифры с единственным словом «бойлер».

– Кто прислал?

– Не знаю. Но я неплохо лажу с цифрами. Я покопался в тюремной библиотеке и, мне кажется, нашел ответ. – Его глаза сверкнули. – На этот раз им придется мне поверить – не я несу ответственность за смерть Сары! – Его голос дрогнул,

когда он взглянул на меня.

Я задумалась. На юридическом нас учили, что анонимные наводки и доносы поступают и юристам и преступникам. Обычно это дело рук людей, затаивших на кого-то обиду или желающих ускорить решение той или иной проблемы. Может быть, некто, связанный с производством бойлеров, жаждет справедливости?

Я встала.

– Куда же вы уходите? – почти по-детски взмолился мой клиент.

Мне вспомнилась маленькая итальянка с черными локонами и широкими бровями, которые скорее подошли бы подростку, чем девятилетнему ребенку.

– Нужно найти барристера. Адвоката, который возьмется вести наше дело в суде.

На лице Джо Томаса медленно появилась улыбка.

– Значит, вы считаете, что суд состоится?

Я взялась за дверную ручку. Снаружи ждет охранник, глядя на нас через вделанное в дверь стекло. В его прищуренных глазах читается крайнее неодобрение моего плана освободить тюрьму от одного из ее обитателей.

– Возможно, – небрежно ответила я. – Если ваши слова подтвердятся. Но больше никаких игр, нам надо быть заодно. Обещаете?

«Обещаю», – сказал Дэниэл перед самым концом.

«Обещаешь?» – спросила я Карлу, когда убеждала ее

больше не красть.

– Обещаю, – ответил Джо Томас.

Мы вышли из комнаты. Офицер взглянул на часы.

– Можете сейчас расписаться? – попросил он. – Мне нужно быть в другом месте.

Я спохватилась, что шагаю по коридору рядом с моим клиентом. Мы прошли мимо крупного мужчины в оранжевом костюме.

– Ну что, сегодня-то участвуешь? – спросил он у Джо.

– Ровно в три, – ответил он. – В рекреации. Жду с нетерпением. Настольный футбол, – пояснил он мне.

Во время моего первого визита охранник назвал Джо Томаса надменным, но тот общался с другими заключенными вполне дружелюбно. Это придало мне смелости задать вопрос, не дававший мне покоя:

– Откуда вы узнали, что я недавно вышла замуж?

Джо пожал плечами:

– Я ежедневно читаю «Таймс», от первой до последней страницы. У меня фотографическая память, Лили. Макдональд – известная военная династия, эту фамилию часто упоминают.

Согласно инструкции шефа, я представилась Лили Макдональд, но сейчас мне вдруг остро захотелось отодвинуть этого Джо на некоторое расстояние, попросив впредь обращаться ко мне исключительно миссис Макдональд и прекратить совать нос в мои личные дела. Вопреки возникающим

у меня странным мыслям.

К счастью, в отличие от сахара, скотча, чипсов и всего колюще-режущего, мысли я могу скрыть. Я обязана это сделать.

Глава 10. Карла

«Варовка». Они написали слово с ошибкой. Карла уже дочитала «Детский словарь» до конца буквы «В».

Если закричать достаточно громко, Чарли снова делается целым. Совсем как Иисус, которому в руки забивали гвозди. Священник рассказывал об этом на службе в прошлую Пасху. Карла с мамой редко ходили в церковь, хотя мама все время молилась. Она говорила, что некоторые вещи даже Господь не поймет.

«Варовка».

Если продолжать кричать, эти ужасные красные буквы исчезнут, и бедное распоротое тело Чарли станет целым, как тело нашего благословенного Господа Иисуса Христа. Выпавший черный глаз снова окажется на своем месте, и Чарли ей подмигнет. «Неужели ты думала, что я тебя брошу?» – скажет он. И тогда Карла прижмет Чарли к себе, и от ощущения мягкого зеленого меха у нее снова станет хорошо на душе.

Но крик не помогал, как дома, когда Карле чего-то хотелось и маме приходилось уступать, потому что стены в квартире тонкие или дядя с блестящей машиной вот-вот должен приехать.

– Что тут происходит, черт побери? – В класс вбежала высокая, тощая, жилистая учительница.

Карла ее не любила. У нее была привычка снимать очки и смотреть на учеников так, будто она видит их насквозь.

– Ты из-за этого плачешь? – Тонким хрящеватым носом учительница повела в сторону останков Чарли. – Из-за этого старья?

Рыдания Карлы сталкивались и налетали одно на другое:

– Это не старье!.. Это Чарли... Моя гусеница... Кто-то его зарезал!.. Смотрите...

– Зарезал? Слово-то какое подобрала мелодраматическое. – Очки вспорхнули с переносицы, и на Карлу смотрели две пары стеклянных глаз с голубоватым металлическим блеском. – Перестань плакать.

– Чарли... Чарли!..

Поздно. Ужасная учительница выдернула Чарли из рук Карлы и ушла. Зазвенел звонок. Толпа детей вбежала в класс, включая девочку, которая дружила с Кевином, бывшим хозяином Чарли.

– Это ты сделала, да? – прошипела Карла, помахивая запиской перед ее носом.

Та только глянула на нее.

– Воровка, – громко сказала она, – вот ты кто. Мы все знаем, что ты сделала.

– Воровка, воровка, – произнес кто-то еще.

И тут все подхватили:

– Воровка, воровка, Карла Спаголетти воровка!

От этого скандирования Карла издала неслышный вопль.

– Почему такой шум? – Учительница с хрящеватым носом вернулась в класс.

– Что вы сделали с моим Чарли? – всхлипнула Карла.

– Если ты говоришь о старом испорченном пенале, он в мусорном контейнере на улице. Мама купит тебе другой. А теперь веди себя прилично, юная леди, иначе я оставлю тебя после уроков.

Чарли не был мертв. Он лежал среди яичной скорлупы, очисток брюссельской капусты и чайных пакетиков. Карле пришлось шарить в контейнере довольно долго, и когда Чарли наконец нашелся, ее форма была в пятнах и плохо пахла.

– Не волнуйся, – прошептала она, – все будет хорошо.

Осторожно, очень осторожно она держала Чарли на руках, ожидая маму за углом. Если стоять у школьных ворот, кто-нибудь спросит, что она там делает.

Это ничего, что Чарли молчит. Надо только подождать три дня, и он снова оживет. И все станет как раньше. Так священник говорил.

Но чем дольше Карла переминалась с ноги на ногу, тем настойчивее в голову лезли мысли, что будет, если они с мамой разминутся. Все дети давно ушли домой. Даже учителя разошлись.

Небо было темным. Дома, в Италии, уже почти зима. В холода там чудесно, с тоской говорила мама. В камине горит огонь, а вокруг сидят любимые родственники. Певучий го-

вор и объятия согревают тебя, от этого в животе разливается тепло. Не как здесь, где жадный электросчетчик так и жрет деньги.

«Хватит уже здесь стоять».

Сначала голос Чарли был таким тихим, что Карла едва его услышала. Затем он стал громче.

– Я знала, что ты поправишься, – сказала девочка, нежно глядя его бедный искромсанный, в пятнах мех.

Но куда идти? К перекрестку? Кажется, отсюда налево. Обычно мама с ее стремительной грациозной походкой так летела по тротуарам, что невозможно было уследить за всеми этими правыми-левыми поворотами. При этом они с Карлой оживленно делились тем, как прошел день («Нам завезли новые духи, малышка, и начальница одолжила мне флакончик на пробу. Понюхай! Ну как, нравится?»).

А Карла рассказывала маме свои новости, скрестив пальцы («По математике у меня опять пятерка»).

Впереди показался парк. Это тот, который возле дома, или другой? Может, да, а может, и нет. Дальше должен быть магазин, куда они с мамой заходили полистать журналы.

– Хотите читать – платите, – говорил им продавец.

Но вокруг не было ничего похожего на тот магазин. Карле стало трудно дышать, ладони вспотели. Куда их занесло?

«Смотри, – слабо прошептал Чарли. – Вон там».

Блестящая машина! Та самая синяя блестящая машина, которая стоит у их дома по вторникам и четвергам, а иногда

и по воскресеньям.

Но сегодня же понедельник!

«Это Ларри, – снова прошептал Чарли. – Видишь шляпу?»»

Рядом с Ларри сидела женщина, но это была не мама. Ее волосы были светлее, чем у Лили, – изжелта-белые, а помада ярко-красная.

Ларри сильно прижимался к губам незнакомой леди. В классе показывали фильм: если кто-то перестает дышать, надо вдунуть им воздух в легкие, чтобы спасти жизнь.

Карла отчаянно забарабанила в окно машины.

– Вам плохо?

Светло-желтая блондинка и Ларри отпрянули друг от друга. На его губах тоже была красная помада. Сердце у Карлы тяжело застучало.

– Что ты здесь делаешь, черт побери! – заорал Ларри.

Крик был такой громкий, что даже через закрытые окна у Карлы заболели уши.

– Я потерялась. – Карла не хотела плакать, но теперь, когда она встретила хоть кого-то знакомого, можно было признаться, как страшно ходить по улицам в темноте. – Я опоздала из-за Чарли, и мамы у ворот уже не было. Может, она домой пошла... Или опять на работе задержалась...

– Что она говорит, Ларри, любимый?

Только тут Карла сообразила, что невольно перешла на родной язык.

– Подожди здесь.

Карла думала, что это было сказано ей, но через секунду увидела, что Ларри обращается к леди с красным ртом. Он отвел Карлу за угол дома.

– Что ты видела? Расскажи.

Его голос звучал совсем иначе, чем по вторникам, четвергам и редким воскресеньям: он был жесткий, как мозолистая кожа на стопе, которую трут каждый вечер, как мама, в душе серым камушком («В ваннах мокнут только англичане, моя крошка. Это так негигиенично!»).

Справившись с собой, Карла ответила:

– Я видела, как ты прижимался ртом ко рту этой тети. Теперь у тебя губы красные, как у нее.

– Ты это о чем? – Он крепче сжал ее плечо.

Карле стало страшно.

– И на воротнике у тебя пятнышко, – прошептала она.

Ларри мельком взглянул на девочку и вытер с губ размазанную красную помаду. Он нагнулся к Карле, так что та почувствовала запах виски. Иногда мама не ужинала, чтобы купить виски для Ларри. Это было важно. Мужчина должен чувствовать, что ему рады. Виски и танцы. А в благодарность долг за квартиру будет погашен, электросчетчик успокоится и снова заработает оплаченный телефон. «Оно того стоит, *cara mia*, поверь мне».

– Ха! – Его лицо было так близко, что Карла видела волосы у него в носу. – Очень умно, – продолжал Ларри, быстро

ведя ее по тротуару. – Раз ты такая умная, скажи, какой подарок тебе купить, чтобы нам не пришлось ничего говорить твоей маме?

«Смотри не растеряйся, – прошептал Чарли. – Помнишь фильм?»

Накануне Карла с мамой смотрели телевизор. Было уже поздно, но Карла не могла заснуть. Тогда она встала с кровати и пришла к маме, лежавшей на диване. Фильм был о маленьком мальчике, который увидел, как одна пара ворует в магазине, и они дали ему деньги, чтобы он молчал.

«Это то же самое, – прошептал Чарли. – Называется шантаж».

– Это шантаж? – уточнила Карла вслух.

Лицо Ларри покрылось сотней бисеринок пота.

– Не играй со мной в игры! Чего ты хочешь?

Это было легко. Карла протянула ему Чарли.

– Вылечи его.

Ларри нахмурился:

– Что это?

– Мой Чарли. Он ранен.

Ларри снова сжал ей плечо:

– Я куплю тебе все, что хочешь, если ты не раскроешь рта.

Все, что хочу? От восторга Карла ощутила покалывание на коже.

– Вот как мы поступим, – крепко держа Карлу за плечо, Ларри повел ее обратно к машине. – Я отвезу тебя домой,

а по дороге остановимся у магазина игрушек. Я скажу твоей матери, что увидел тебя на улице, как ты шла пешком из школы, и купил тебе подарок. А ты за это ничего не расскажешь. Слышишь, ничего! Ты же не хочешь расстроить свою маму?

Карла решительно помотала головой из стороны в сторону, так что черные локоны хлестнули по щекам.

Ларри открыл дверцу машины:

– Убирайся. – Это было адресовано желтоватой блондинке на переднем сиденье.

– Но, Ларри, я...

– Я сказал, вон отсюда!

Он так резко дал задний ход, что машина задела каменную тумбу у обочины. После этого Ларри чертыхался всю дорогу, будто виновата была Карла, а не его собственное нетерпение.

– Ты нашел ее, нашел мою драгоценную дочку! – завопила мама, когда они приехали домой. – Я так волновалась! Ее не было у школьных ворот, и я решила, что она отправилась домой сама...

Карла оставила маму обнимать Ларри и неслышно ушла в свою комнату. В портфеле лежал новый Чарли.

Священник ошибался. Чтобы вернуться к жизни, нужно не три дня. Достаточно трех часов.

Голова болит. Мысли путаются. То мне кажется, что я на пятнадцать лет моложе. А потом сразу – что я вообще

не здесь, а наблюдаю за происходящим откуда-то сверху.

Возможно, воскресение все-таки существует. Но не в том виде, как нас учили в церкви.

Может, это шанс что-то исправить. Пройти все заново и сделать правильный выбор.

Или это метания отлетающей души, которая уже не вернется?

Глава 11. Лили

«КИПЯТИЛЬЩИК» ПОДАЕТ АПЕЛЛЯЦИЮ ИЗ ТЮРЬМЫ

Джо Томас, приговоренный в 1998 году к пожизненному заключению, подал апелляцию. Он утверждает, что его подруга Сара Эванс скончалась в результате неисправности бойлера.

Родители мисс Эванс назвали свое состояние после этой новости шоком. «Этот человек лишил нас любимой дочери, – сказал Джефф Эванс, 54-летний учитель из Эссекса. – Он должен гореть в аду».

Миссис Эванс, 53 года, в настоящее время проходит курс химиотерапии в связи с раком груди.

Начальник втянул воздух сквозь зубы, глядя на вторую страницу свежей «Таймс».

– Они уже жаждут твоей крови. Ты уверена в адвокате?

– Абсолютно. Тони Гордон согласился вести дело Томаса бесплатно, как и мы. Сказал, что это может стать национальным прецедентом.

Выражение лица моего начальника можно было описать как: «Ты-то что в этом понимаешь?»

– Я не хочу женщину-адвоката, – твердо сказал Джо. – Не

прими на свой счет. Согласен, присяжным нравится смотреть, как перед ними расхаживает женщина, и представлять, что у нее под платьем, но поколебать их точку зрения способны только аргументы из уст мужчины.

Я не стала озвучивать свое мнение.

– Я несколько раз видела Тони Гордона в суде, – заверила я. – Он умеет работать на публику.

Делу отнюдь не повредит и то, что он красив – похож на Ричарда Бёртона. Женщины-присяжные млеют от Тони Гордона, а мужчины вдруг начинают понимать, какая ответственная миссия им доверена – решать судьбу человека, находящегося на скамье подсудимых.

При известной доле удачи Тони вытащит кролика из шляпы. Сперва мы подадим заявление в комиссию по пересмотру уголовных дел и, если комиссия разрешит апелляцию, будем добиваться повторного рассмотрения дела в суде. Пока Тони настроен достаточно уверенно и готовится «копнуть как следует», чтобы сэкономить время. В суде дела сейчас рассматриваются скомканно, нам надо быть максимально готовыми.

Я вернулась к себе готовить записку по делу. Вообще-то, я делю кабинет с другим начинающим адвокатом (по-нашему «сутяжкой»), но недавний выпускник Оксфорда на больничном после перенесенного стресса.

В нашей работе это не редкость: легче легкого допустить ошибку и подвести клиента и свою фирму. Мы живем в по-

стоянном страхе, что нам предъявят иск за любую оплошность. В связи с этим мне вспоминается, как на первом курсе одна из преподавательниц говорила: «Хотите верьте, хотите нет, но возмездие не всегда бывает заслуженным. Бывает, что преступникам все сходит с рук. Других сажают за то, чего они не совершили, однако при этом они избегают ответственности за преступления, совершенные ранее. Так что в итоге некий баланс все же соблюдается».

Я держу это в уме, корпя за компьютером, но мысли вновь и вновь возвращаются к Эду.

– Слушай, а давай позовем гостей? – предложила я на днях. Муж впервые за почти два месяца поднял голову от своего подноса. (Мы теперь ужинаем перед телевизором. Мать Эда была бы очень недовольна.)

Телевизор заполняет паузу. Милый, добрый, веселый человек, с которым я познакомилась меньше года назад, порядком подрастерял свое чувство юмора. Перепады настроения сменились у Эда стойкой депрессией. Он уже не лежит со мной в обнимку на диване, но иногда занимается со мной любовью ночью, когда мы оба еще не совсем проснулись, со страстью, от которой у меня голова идет кругом.

– Гости? – повторил он, прожевав макароны, обжаренные с сыром. Воспитание у него что надо, этого не отнять. Имитация коронного блюда Делии Смит получилась неважная, но Эд мужественно справился со слипшейся массой. У меня кулинарный «прогресс» – от недожаренного стейка и

почек к переваренным макаронам (даже при двух зарплатах приходится экономить).

– Да, – решительно подтвердила я.

Это была идея Росса.

– Как дела? – спросил он, позвонив, чтобы узнать, помогла ли его информация. К своему стыду, я вспомнила, что даже не поблагодарила его. От его участия на глаза навернулись слезы. Удивительно, чего можно добиться капелькой внимания. Или его отсутствием.

– Не совсем гладко, – через силу выговорила я.

– Из-за Эда?

– А что? – У меня перехватило дыхание. – Он вам что-нибудь говорил?

– Нет...

– Что он сказал, Росс? – Моя рука, державшая телефонную трубку, вспотела. – Скажите мне. Я понимаю, он ваш друг, но мне надо знать. – В моем голосе слышался плач. Я обращаюсь к едва знакомому человеку, но мне действительно необходимо знать правду. Ложь мне уже поперек горла.

– Да я вообще сомневаюсь, чтобы что-то было. Люди, они же такие – поговорят и успокоятся.

– Росс, скажите. Пожалуйста!

Видимо, он услышал отчаяние в моем голосе. В трубке послышался вздох.

– Давина всем рассказывает, что в прошлый вторник они с Эдом пропустили по стаканчику. Но это же ничего не зна-

чит!

В прошлый вторник? В голове сумбур. Я судорожно вспоминала ту неделю. Во вторник Эд задержался на работе. Меня охватила ярость. Речь идет о моем муже! Может, у нас не все гладко, но ведь время еще есть. Я не позволю этой женщине лезть в мою новую жизнь, о которой я мечтала еще до знакомства с Эдом.

– Слушайте, может, зря я это сказал, но на вашем месте я бы принял какие-то меры.

– Какие? – хрипло, как ворона, спросила я.

– Пригласил бы ее на ужин на этой неделе. И позвал бы побольше гостей. Показал бы, что вы – пара. – Голос Росса зазвучал тверже. – Давина не очень хороший человек, она мизинца вашего не стоит. – И, не успела я ответить, как он прибавил: – И не забудьте пригласить меня.

Мне было совсем не до гостей: разбирательство по делу Джо Томаса стремительно набирало обороты.

– Если доказать, что имела место халатность со стороны производителя бойлера, разразится скандал в индустрии нагревательных приборов, – сразу сказал Тони. – Но сперва необходимо кое-что изучить и кое с кем побеседовать. Я займусь экспертами, а вы, пожалуйста, опросите людей вот по этому списку. – Тони Гордон подал мне листок с телефонами. – Это те, кто сообщал о резких скачках температуры в своих бойлерах.

– Как вы раздобыли их координаты?

– Неважно. Сейчас главное – энергично взяться за дело.

Я работала с утра до ночи, поэтому вечеринка была настоящей роскошью. Мы восьмером втиснулись за маленький стол в нашей тесной квартирке, которую мне удалось сделать довольно красивой с помощью бумажных фонарей и свежих лилий. Мы утопали в лилиях – я купила на рынке целую охапку. Запах стоял дурманящий.

Еще я, по совету Росса, при каждом удобном случае старалась вернуть слово «наше». Наш новый диван, который мы вместе покупали, наши планы на Рождество, наши свадебные фотографии. Намек был прозрачный: мы теперь пара. Кстати, несмотря на спонтанность вечеринки, пришли все, кого мы пригласили: людям было интересно, как у нас складываются отношения.

Я не просто утерла Давине нос – совершенно случайно все вышло даже еще лучше: едва переступив порог, она начала оглушительно чихать.

– Боюсь, у меня аллергия на пыльцу, – сказала она между двумя чихами, когда я убирала со стола большую вазу, стоявшую как раз напротив ее стула. Знай я об этом заранее, не стала бы покупать лилии (а может, и стала бы...).

Надо было видеть лицо Эда. Он же художник, эстет, ему подавай красоту, а тут Давина с красным носом и соплями.

И даже мой *coq au vin*¹⁰ оказался вполне съедобным. Я тор-

¹⁰ Петух в вине (фр.).

жествовала.

– Спасибо за прекрасный вечер, – гнусаво выговорила Давина, уходя под руку с каким-то занудой, которого привела с собой (другим, не тем, кто был с ней на достопамятной вечеринке).

Росс подмигнул, целуя меня в щеку на прощание.

– Спасибо, – шепнула я ему на ухо.

– Всегда готов помочь, – отозвался он, окинув меня взглядом. Неужели понравилась? Хотя сегодня я выглядела довольно хорошо. Я выбрала простое белое платье, скрывающее округлости, которые я предпочитаю не показывать, и подчеркивающее лучшие изгибы.

– Ты прелестно выглядишь, – сказал Эд, как только дверь закрылась. – Даже Росс обратил внимание.

Мне пришло в голову, что Эду не повредит немного поревновать.

– Пожалуй, мы с ним пропустим стаканчик на неделе, – небрежно сказала я, надевая резиновые перчатки перед раковиной с грязной посудой.

– Стаканчик? – Голос Эда стал пронзительным. – С какой стати?

– Росс помогает мне с делом, которое я веду. – Я взяла бокал с жирными следами помады и начала яростно оттирать его в горячей мыльной воде. – Мы с ним просто друзья, в отличие от вас с Давиной. Ты же пил с ней вино на днях, не отрицай.

– Да ради бога! – Эд швырнул кухонное полотенце. – Женился я все-таки на тебе, а не на ней!

– Как прикажешь понимать это «все-таки»?

– Мы были помолвлены, – медленно произнес Эд, не глядя на меня. – Давина разорвала помолвку. Я тебе не говорил, чтобы ты не чувствовала угрозы, когда вы познакомились...

Какой еще угрозы? Он что, смеется надо мной? У меня упало сердце.

– Когда она разорвала помолвку? За какое время до нашего знакомства?

– За два... – он замялся.

– Года? Месяца?

– За две недели, – поправился он.

– Что?! Ты начал встречаться со мной через две недели после того, как от тебя ушла невеста, и не позаботился сказать мне об этом?

– Я же объяснил почему! – Эд весь покраснелся. – А у тебя разве нет секретов от меня?

Меня бросило в жар. В голову пришла совершенно трезвая и холодная, как тогда в конюшне, мысль: «Что ему известно? Как он узнал? Не глупи, – сказала я себе, – он просто защищается. Молчи. Не отвечай».

Эд подошел ко мне сзади и взял меня за бедра.

– Мы с Давиной просто поболтали за бокалом вина, – умоляюще сказал он. – Ничего не было!

В моих глазах стояли слезы.

– Эд, ты женился на мне в отместку ей?

– Нет. Я женился на тебе, потому что... Потому что ты добрая, заботливая и красивая.

– Красивая?! Теперь я точно знаю, что ты лжешь!

– Не лгу. – Он обнял меня за плечи. – И особенную привлекательность тебе придает то, что ты не осознаешь своей красоты.

– Я толстая! – с ненавистью бросила я.

– Нет. У тебя женственные формы. Ты настоящая женщина. Но еще важнее твоя внутренняя красота. Ты хочешь сделать мир лучше.

«Если бы ты только знал», – подумала я, когда Эд мягко поцеловал меня.

Разве он не заслуживает правды?

Верю ли я, что между ним и Давиной ничего не было?

Есть ли у меня право спрашивать, если я сама скрываю от него так много?

И еще, кто вправе объявить Джо Томаса виновным или невиновным, если каждый из нас способен на злодейство? Разница только в возможности...

Когда я лежала в объятиях Эда, в дверь позвонили. Я почти сделала это, сказала я себе. Законная любовь между мужем и женой. Ну, или хотя бы привязанность...

В дверь снова позвонили. Завернувшись в халат, я взглянула на часы – уже десять? – и подошла к двери. На пороге

стояла красивая женщина с глазами, как у олененка, одетая в черно-оранжевое шелковое платье. Черные кудри водопадом сбегали по плечам. Я была так поглощена тем, что произошло у нас с Эдом, что не сразу сообразила, кто передо мной.

– Извините, пожалуйста, – сказала Франческа. – Мне снова надо работать, а больше попросить некого...

Маленькая Карла уже пролезла к нам в квартиру, как к себе домой, и прыгала на месте.

– А давайте снова готовить! – предложила она.

Конечно, все это было навязчиво и бесцеремонно. Неприятное чувство подсказывало, что чем больше я буду позволять, тем наглее на мне примутся ездить. У меня вообще-то много работы. Но пока я искала повод отказаться, вышел Эд с телефоном в руке. Вид у него был ошарашенный.

– Звонил бойфренд Давины. Ее забрали в больницу с приступом астмы, спровоцированным лилиями.

– Как она?

– Сейчас уже нормально, но все могло обернуться очень скверно.

К своему стыду, я ощутила сожаление одновременно с облегчением. И сразу с привычной юридической въедливостью перешла в наступление:

– Ты обязан был предупредить, что у нее аллергия на пыльцу, прежде чем я поставила на стол вазу с цветами! Кому и знать, как не тебе!

Эд пожал плечами:

– Совершенно об этом забыл, пока она не зачихала.

Близость прошлой ночи стремительно исчезала. Мы вдруг спохватились, что рядом прыгает маленькая девочка, а Франческа нетерпеливо мнетя в дверях.

– Мама Карлы сегодня снова выходит на работу, – тихо сказала я.

Эд кивнул, и в его глазах тоже мелькнуло облегчение. Нам требовалось переключиться друг с друга, и нельзя было придумать ничего лучше, чем малышка с черными кудрями и густыми бровями. Снова можно было поиграть в папу и маму.

– Все нормально, – сказал Эд, повернувшись к Франческе. – Рады помочь. Карла хлопот не доставляет. Никакого беспокойства.

Глава 12. Карла

– Можно я вылижу миску? Пожалуйста, ну пожалуйста! – просила Карла, поднеся ко рту деревянную ложку с вкусно пахнущей смесью яйца, муки, масла и сахара. Мама никогда не позволяла ей пробовать, пока не будет готово, но что-то подсказывало Карле, что Лили уговорить можно. Иногда мы сразу угадываем верную линию поведения с человеком.

– Ну пожалуйста-а-а-а-а!

– Конечно. – Лили стояла в розово-белом, в горошек, фартуке. – Мы с братом всегда так делали.

– М-м-м! Вкусно!

– Не так много, затошнит! – Лили мягко придержала руку Карлы.

Карла надула губы, как делала мама, если Ларри говорил, что снова может опоздать. Но затем вспомнила, что иногда это Ларри раздражало. Лили она раздражать не хотела.

– А как зовут вашего брата? – спросила девочка в надежде сменить тему.

Лили промолчала, ставя пирог в духовку. Карла чувствовала появившееся напряжение, как ритмичное потрескивание, словно иглу звукоснимателя поставили на пластинку, а музыка еще не началась.

Эд, сидевший по-турецки на полу с альбомом, отложил уголь для рисования. Лили долго возилась у духовки, вырав-

нивая пирог, а когда повернулась к столу, лицо у нее было красным, будто раскаленным.

– Его звали Дэниэл.

Карла знала этот монотонный голос. Он появлялся у мамы, когда она говорила что-то важное, но не желала, чтобы начались расспросы. «Твой дедушка не хочет меня больше видеть» или «Возможно, когда-нибудь ты вернешься в Италию одна. Бабушка будет рада с тобой познакомиться».

Английский язык очень странный, но Карла, при всей своей ненависти к школе, весьма внимательно относилась к грамматике. Грамматика ей нравилась. Это как стихи или колыбельные, которые мама пела ей на итальянском. Сейчас они проходят времена – настоящее, прошедшее, будущее. «Она идет по улице, он шел по улице». «Моего брата зовут Дэниэл, моего брата звали Дэниэл».

Значит, брат Лили сменил имя. В школе они читали рассказ о человеке, который так поступил.

– А как его теперь зовут?

Эд снова быстро заскрипел углем по бумаге. Лили отвернулась к духовке и сказала неожиданно сердито:

– Я не хочу о нем больше говорить.

У Карлы пересохло во рту. Сладость масла, муки и сахара пропала. Одновременно по телу пробежал трепет острого любопытства, как бывает, когда случается что-то плохое, но не с тобой.

– Его кто-то обидел? – В памяти Карлы живо возник бед-

ный Чарли с распоротым мехом и написанное с ошибкой слово «Варовка».

– По-моему, на сегодня хватит вопросов. – Эд встал. –
Поди сюда, Карла, посмотри. Что скажешь?

Девочка на листе выглядела совсем как Карла! Она поднимала ложку со смесью для пирога к губам, и ее глаза сияли. Но в то же время в ее облике было что-то печальное. Как Эд понял, что в глубине души Карла до сих пор скорбит по Чарли? Его заместитель пах не так, как Чарли. И не любил ее так, как настоящий Чарли, Карла это чувствовала.

– А где Лили? Почему ее нет на рисунке?

Смех, донесшийся от плиты, прозвучал ниже обычного. Лили всегда смеялась серебристо, как колокольчик.

– Не обращай внимания, Карла, я уже привыкла.

Карле стало неловко. Мама так говорила, когда Ларри опаздывал или вообще не приходил: «Я уже привыкла. Я прекрасно знаю, что на первом месте у тебя жена. Обо мне не волнуйся».

– Прекрати, – повысил голос Эд. – Не перед ребенком же!

– Я не ребенок, – начала Карла, но Эд сунул рисунок ей в руки:

– Оставь себе, если хочешь.

Правда? Это ей? Карла положит его в особую коробку, где уже лежит первый набросок. Значит, она Эду правда нравится?

– Отчего же нет? Так будет лучше, чем держать его здесь.

Моя дорогая жена может и к нему приревновать.

– Ты же вроде сам сказал: «Не перед ребенком!»

Лили сердито мыла посуду – мыльные брызги летели во все стороны. Один попал Карле на туфлю. Туфли уже стали малы, но деньги маме заплатят только в следующем месяце. «Я не могу просить у Ларри больше», – сказала она.

Зато Карла могла. После того как она застала Ларри с красногубой тетей, в девочке крепла уверенность, что теперь она сможет попросить у Ларри очень многое. Новый Чарли – это только начало.

– А давайте пойдем гулять? – попросила она, взяв Эда за руку левой рукой, а Лили – правой. И добавила то, что слышала через стенку, когда мама танцевала с Ларри: – Очень большое пожалуйста!

До конца дня Карла получила в подарок еще пять рисунков: Карла в парке на качелях, Карла кормит уток, Карла бегает, Карла думает, подперев подбородок рукой, Карла ест купленный Лили десерт «Слава Никербокера»¹¹ с густым клубничным сиропом.

– А почему ты Лили не рисуешь? – спросила она Эда. И сразу поняла, что зря не промолчала. Но она ведь только хотела узнать, отчего та рассердилась.

У Лили вырвался странный смешок:

– Потому что я недостойна быть запечатленной на бумаге.

¹¹ Ироническое прозвище жителя Нью-Йорка.

Эд ничего не ответил, но когда в следующее воскресенье Карла снова пришла к ним в гости, у стены стояла новая картина: Лили выглядывает из окна. Она была совсем как живая, словно вот-вот шагнет с листа в комнату.

В тот момент Карла поняла: мама ошибается. Пусть Лили другая, но она все равно красивая. Добрая. И любящая. Сердце Карлы переполняли эмоции. Она ее так любит!

– Как прекрасно! – выдохнула она.

Эд был польщен, как, очевидно, и Лили. Они обнялись, и вид у них был гораздо счастливее, чем в прошлый раз. От этого на душе у Карлы тоже стало хорошо. Если бы не воскресенье, ей бы не выдержать долгой недели. Понедельник, вторник, среда...

Мама уже не подсовывала записок под дверь: по молчаливому соглашению, по «дням Господним» Карла шла к Эду и Лили, а мама отправлялась на работу.

– Скоро, – пообещал Эд, когда Карла вдоволь налюбовалась портретом Лили. – Скоро я тебя снова нарисую, но сейчас мне нужно идти.

– Вот как? – подняла голову Лили. – Куда?

Эд пожал плечами:

– Просто выйду пройду. Наберусь вдохновения.

Карла не возражала против того, чтобы Эд ушел. Ее любимицей была Лили. У Лили всегда находилось для нее время – она не рисовала, уткнувшись в альбом, даже во время прогулок.

Но сегодня и Лили оказалась занята.

– Мне нужно поработать кое с какими документами, – сказала она. – А ты почитай немножко!

Карла выпятила нижнюю губу (обычно этого хватало, чтобы настоять на своем).

– Я книжку дома оставила!

– А ключ у тебя имеется?

– Ключ лежит на карнизе над дверью.

– Сама достанешь? – спросила Лили, не поднимая головы.

– О'кей.

– Спасибо. – Лили с улыбкой взглянула на Карлу, и девочка вдруг ощутила прежнее тепло. – Помочь тебе?

– Нет, вы заняты. – Карле очень хотелось угодить. – Я сама.

Вставляя ключ в замок, Карла услышала за дверью стон. Кто-то стонет от боли! Неужели мама заболела и вернулась с работы? Стоны доносились из ее комнаты.

Карла открыла дверь и остановилась как вкопанная. На полу лежала шляпа Ларри. А сам Ларри лежал на маме. Только мама была непохожа на себя: лицо было красным, волосы – влажными, а глаза так широко открыты, словно лезли из орбит. Неужели Ларри мучает маму? Но мама вовсе не казалась обиженной. Она вообще не походила на маму.

Карла повернулась и выбежала.

– Где же книга? – спросила Лили, когда девочка вернулась.

– Не нашла.

– Ты в порядке? Что-то ты притихла.

– Можно я телевизор посмотрю?

– Конечно.

– А можно у вас остаться? Один разок?

Лили обняла Карлу.

– Куколка, у нас же всего одна комната.

Куколка? Лили уже ее так называла. Карла не знала, что это значит, но звучало красиво.

Лили закрыла свои книги.

– Вот что, я это и после сделаю. Хочешь, снова сделаем сливочную помадку? Отнесешь половину маме, когда она вернется с работы.

Но в дверь позвонили, и у щели для писем и газет раздался воркующий голос:

– *Piccola?* Это я.

У Карлы упало сердце. Она так и знала, что мама дома, она видела ее в комнате, хотя ей полагалось быть на работе. И хотя сейчас она говорила ласково, потом наверняка будет ругаться.

– Однако, – весело сказала Лили, – кажется, сегодня она освободилась пораньше.

Глава 13. Лили

Я бегу за Давиной по парку. Она что-то держит, а мне нужно отобрать это у нее, иначе мой брак с Эдом развалится. Давина замедляет бег, но стоит мне приблизиться к ней, как она уносится вперед. Вдруг она начинает чихать – так громко, что роняет то, что держит. Я наклоняюсь, чтобы подобрать этот предмет, но он выскальзывает у меня из пальцев. Наконец, при свете луны, мне удается поднять потерянную Давиной вещь. Это обручальное кольцо – в точности такое, как мне подарил Эд. Оно принадлежало его прабабке. Вдруг кольцо начинает крошиться у меня в руке. Я пытаюсь сложить его заново, но ничего не выходит – кусочки рассыпаются в пыль. Давина заливается высоким визгливым смехом...

– Можешь выключить? – раздается сонный голос Эда с другой стороны кровати.

До меня медленно доходит (несказанное облегчение!), что смех Давины – это сигнал будильника. В окно действительно светит луна, но мне пора вставать. Шесть утра. Надо успеть на первый автобус, потому что у меня назначена встреча с Тони Гордоном. С человеком, который, возможно, поможет вытащить Джо Томаса из тюрьмы.

– Давайте еще раз пройдемся по фактам.

Тони Гордон высокий и представительный. Ему бы на ши-

рокий экран – уверена, там Тони чувствовал бы себя столь же непринужденно, как и в «Линкольнс-Инн». И дело не только в ширине плеч или уверенности, с которой он носил темно-серый костюм, но и во властном, немного сиплом голосе. Тони не ходит, а ступает. Шествует. На нем всегда безукоризненно свежие, дорогие на вид сорочки (сегодня – в светло-розовую полоску; на ком-то другом такая выглядела бы чересчур женственно). Спокойная, размеренная речь – даже по телефону, даже в самых напряженных ситуациях. Готова спорить на что угодно, это мгновенно успокаивает и ободряет собеседника – меня-то точно ободряет.

Чем дольше я работаю с Тони Гордоном, тем больше убеждаюсь: этот человек знает, что делает, садится ли он за руль автомобиля, вешает ли картину, борется ли за освобождение приговоренного за убийство или занимается любовью.

Откуда взялась последняя мысль? Пока Тони повторял статданные – количество бойлеров и время «инцидентов», я невольно вернулась мыслями к Эду, щеки которого едва коснулась губами, прощаясь с ним сегодня утром.

Я уже боюсь возвращаться домой к мужу. С виду у нас все прекрасно: по пятницам мы вместе ходим в супермаркет, смотрим любимые телесериалы, устроившись на диване, по воскресеньям приглядываем за маленькой Карлой. Я не мешаю Эду рисовать на досуге, потому что это все, чего он хочет. Как он возмущается, что всю неделю вынужден работать на «идиотов»! Однако нельзя не заметить, что его два бока-

ла вина за ужином превратились уже в три или четыре и что ко мне он практически не прикасается. Мы женаты всего два месяца. Чем все это кончится?

– А вы что думаете? – обратился вдруг ко мне Тони Гордон.

Меня бросило в жар от стыда. Передо мной знаменитый судебный адвокат, возможно, наш единственный шанс спасти невиновного (интуиция подсказывает мне, что Джо невиновен, пусть я его и недолюбиваю), а я сижу и думаю о своем неудачном браке.

– Я не уверена. – Ответить этой фразой было безопаснее всего.

– Все, Лили, не отвлекайтесь. В новом отчете психолога, который я заказал, говорится, что у нашего парня есть признаки синдрома Аспергера¹², а также отмечается его обсессивное поведение. – Тони Гордон взглянул в свои записи. – Это популярные термины, которые можно понимать по-разному. У нашего подзащитного есть такой пунктик: ему комфортно, когда все вокруг чисто и опрятно. Его нервирует, если вещи не на своих местах. Он понимает сказанное чересчур буквально, не всегда реагирует на ситуации так, как другие, испытывает трудности в общении. Еще он недолюбивает перемены и свободно оперирует цифрами.

– У меня брат точно такой же, – услышала я свой голос и лишь секунду спустя поняла, что надо было сказать «был».

¹² Одна из форм аутизма.

Но я часто так поступаю: легче делать вид, что Дэниэл по-прежнему жив.

– Правда? – Я почувствовала, как растет интерес Тони Гордона. – А это побуждает его к странным поступкам?

– Когда он был ребенком, нам лишь сказали, что он не такой, как все. Диагноз нам не назвали. С людьми он был то мил и очарователен, то вдруг становился груб и резок. Он не любил перемен... – Я мысленно провела рукой по гладкой коже седла. Почувствовала запах дерева. Покачала на руках Амелию... Нет...

– Лили, с вами все в порядке?

Я посмотрела на свои трясущиеся руки.

– Да.

Да, это толкало Дэниэла на странные поступки. Нет, со мной не все в порядке. Но Тони Гордон уже говорил о другом.

– Надо это учесть, – пробормотал он себе под нос. – Будем делать упор на факты и цифры, а не на эмоции, – по-моему, в прошлый раз защита с этим не справилась. Хорошо бы жюри состояло из людей, которые понимают статданные: нужны присяжные, которые подчиняются разуму, а не сердцу. Еще нам надо подчеркнуть, что, хотя у людей с синдромом Аспергера есть похожие привычки и особенности, каждый из них уникален и характер влияет на их поведение не меньше самого синдрома. Согласно проведенному мною исследованию, холодное, неэмоциональное, обсессивное поведение,

зафиксированное в документах, – необязательно следствие Аспергера. Хитроумный вывод. Особенно если у кого-то из присяжных окажется личный опыт, который не согласуется с поведением Джо, или если наше описание его личности кого-то покоробит.

Я начала думать, нужна ли я здесь вообще. В конце концов, я ввела адвоката в курс дела; теперь все зависит от него.

– Пожалуйста, попросите руководство вашего бюро обеспечить ваше присутствие на моей встрече с клиентом, – сказал Тони. – Ваш опыт может оказаться очень полезным. Общественный резонанс этого дела обещает быть огромным. – Он снова посмотрел на меня с теплотой, почти отечески. – Нас никто не любит, – добавил он. – Мы же дьяволы, вы и я. Убийца в глазах общественности всегда убийца, даже если доказано, что он невиновен. Нам досталось дело общенациональной важности. Если разрешат пересмотр и мы выиграем, откроются шлюзы для всевозможных исков. Нам необходимо соблюдать осторожность.

– Знаю, – сказала я. На самом деле я этого не знала, но не показывать же ему свое невежество! Я хочу быть взрослой, хочу быть успешной в своей профессии и в своем браке. Но, кажется, просто не знаю, как это сделать.

Выйдя из «Линкольнс-Инн» – позади остались его прекрасные кирпичные стены и сочно-зеленый после дождя газон, – я пошла по городу, пробиваясь через толпы туристов. Я люблю пройтись по Лондону, подышать воздухом после

душного офиса и спокойно подумать.

Подойдя к Вестминстерскому мосту, я на минуту остановилась, чтобы полюбоваться линией горизонта. «Нет зрелища пленительней! И в ком не дрогнет дух бесчувственно-упрямый...»¹³

Дэниэл любил поэзию, его восхищал порядок, в котором слова попадали точно на свои места. Когда он бывал чем-то расстроен – потерявшимися кусочком головоломки или ботинком, которого не оказалось на обычном месте, – я иногда читала ему стихи. Причем стихи требовались с четкой структурой и легкой, но отчетливой странностью. Беспроигрышным вариантом всегда был Эдвард Лир.

– Простите, – сказала я, когда на меня кто-то налетел, и мрачно потерла локоть. Всю жизнь я извиняюсь за чужую грубость. Я постоянно извинялась за Дэниэла. А этот грубиян даже не остановился. Я оглянулась, но он уже исчез в толпе.

И тут я спохватилась – сумка! Не на плече, а другая, которая была под мышкой. Там все документы по Джо Томасу, цифры, которые он мне дал, записи, сделанные во время сегодняшнего разговора с Тони Гордоном. Теперь бумаги пропали.

Я сразу направилась в офис, думая о словах Тони: «Нам

¹³ Строка из «Сонета к Вестминстерскому мосту» У. Вордсворта (*пер. В. Левика*).

досталось дело общенациональной важности. Если разрешат пересмотр и мы выиграем, откроются шлюзы для всевозможных исков. Нам необходимо соблюдать осторожность».

Тогда я поняла это так, что нам нужно действовать осмотрительно, если мы хотим победить. Теперь я задумалась, не о личной ли безопасности он говорил. Возможно ли, что меня ограбили неспроста и человек на мосту, лица которого я не разглядела, толкнул меня специально, чтобы украсть важнейшие улики?

Я почти бежала по Хай-Холборн. Ушибленный локоть разболелся не на шутку. Необходимо срочно сообщить о случившемся моему начальнику, и Тони Гордону тоже...

Взбежав по элегантной викторианской лестнице с перилами красного дерева, я едва не столкнулась с одной из секретарш.

– У меня для вас два сообщения.

Первое было от Тони. Вскоре после того, как я ушла, ему позвонили из комитета по пересмотру уголовных дел: наше дело передано в апелляционный суд. Отлично. Все, что нам теперь нужно, – согласие суда, а затем, с Божьей помощью, повторный процесс.

– Не сейчас, пожалуйста, – сказала я секретарше, помахивавшей передо мной вторым сообщением.

– Это срочно. – Она сунула мне в руку листок бумаги. – Позвоните ей немедленно.

Сара Эванс. Откуда мне знакомо это имя? И тут я вспом-

нила. Так звали покойную подружку Джо Томаса.

Глава 14. Карла

Карла висла на маминой руке и тянула ее назад, подальше от автобусной остановки. Подальше от того, что приведет ее в школу. Подальше от издевательских взглядов и насмешек, от которых Карла казалась самой себе еще глупее. А тут еще новый Чарли упорно молчал.

– Поторопись. – Мамин голос звучал на высоких нотах. Так бывало, когда она готовилась запеть или едва сдерживала истерику (сегодня – явно последнее). – А то мы опоздаем.

При этих словах из-за угла показался автобус.

– Вон автобус! – Прекрасное мамино лицо стало старым из-за тревожных морщин. – Быстро!

Карла неохотно зашаркала по тротуару. Шарк, шарк по размокшим опавшим листьям черными кожаными туфельками, за которые заплатил Ларри. Выходные без Лили и Эда прошли скучно.

– Нельзя же ходить к ним каждое воскресенье, – сказала мама, будто и не сама все это устраивала.

Карла прекрасно понимала настоящую причину: она застала маму и Ларри дома, когда маме полагалось быть на работе. Мама чувствовала себя виноватой. Сначала это казалось удачным стечением обстоятельств, потому что можно было заставить маму сделать то, что она, Карла, хочет. Но потом все стало плохо, потому что мама отменила воскресенья

у Лили. Они больше не будут вместе печь пироги, и Карле не достанется вылизывать миску, не будут делать человечков из каштанов и булавок и помпоны из шерстяной пряжи, как Лили научили еще в детстве. Не сидеть больше Карле перед Эдом, упиваясь собственной исключительностью, не бегать в парке и не качаться, схватившись одной рукой за руку Эда, а другой – Лили.

Остается только сидеть дома с мамой и ждать Ларри, хотя в прошлое воскресенье он вообще не пришел, а они специально для него сделали лазанью.

– Залезай. – Мамин голос стал спокойнее: они все-таки успели на автобус.

Карла забралась по ступенькам и уселась на обычное место впереди.

С недавних пор Лили с ними не ездила.

– Мне теперь надо раньше выезжать на работу, – объяснила она.

Зато на остановке напротив стоял Эд, увлеченно рисуя что-то в альбоме. Может, он опять рисует ее? Карла неистово забарабанила по стеклу.

– Карла! – В голосе мамы слышалось раздражение. – Я запретила тебе так делать!

Но Эд услышал и помахал ей альбомом. На душе у Карлы стало теплее. Эд ее любит! Она угадывала это по тому, как он рассматривал каждую черточку ее лица. Иногда он позволял ей посмотреть рисунки. Он сделал ее густые брови

красивыми. Вот бы другие дети в школе тоже увидели в них красоту! Тогда не вели бы себя так отвратительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.